

Глава VI

БУХАРСКОЕ ХАНСТВО В ФОТОКОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ

При детальном изучении иллюстративного фонда отдела Центральной Азии из общего массива выделяются материалы, относящиеся к Бухарскому ханству. Некоторые из них входят в состав смешанных коллекций. Другие в музейных документах зарегистрированы как фотографии по «оседлому населению Средней Азии». Все вместе фотодокументы по Бухарскому ханству составляют значительную часть иллюстративных коллекций дореволюционного периода.

Фотоколлекции МАЭ о Бухарском ханстве до сих пор не рассматривались в комплексе как новый визуальный источник, который расширяет представления о культуре этого региона. Изучение и выявление исторических фотографий по эмирату затруднялось не только их разбросанностью по разным коллекциям, но и отсутствием необходимых пояснений, первичной документации о поступлении в музей. В фотофонд входят изображения архитектурных памятников, народных бытовых сценок, портреты первых лиц государства. Они, как красочная мозаика, помогли составить цельную картину об истории ханства, жизни его населения, прежде известные по слухам и описаниям путешественников.

В наши дни трудно себе представить, что земли Бухарского ханства были незнакомы россиянам и европейцам. Вплоть до середины XIX в. Российское государство имело лишь эпизодические взаимоотношения с Бухарским ханством. Бухарские купцы торговали на российских ярмарках еще в XVI–XVII вв. Известный специалист по нумизматике и археологии П. Савельев отмечал, что, несмотря на постоянные торговые отношения России с Бухарой, ни один европейский путешественник не посещал этого города после английского посла А. Дженкинсона времен Иоанна Грозного «в продолжение слишком двух с половиною столетий» до посольства 1820 г. А.Ф. Негри [Савельев 1835: 261]. Однако политические, межгосударственные связи налаживались с большим трудом. Бухарские эмиры неохотно пропускали русских представителей

в пределы своих владений. Все это не способствовало знакомству россиян с жизнью населения ханства.

В печати о бухарцах сообщали удивительные вещи, еще более редко встречались изображения, относившиеся к эмирату или его населению. В 1845 г. на страницах журнала «Иллюстрация» был помещен рисунок «Начальники Бухарского народа» [Иллюстрация. 1845. № 280]. На нем восседает мужчина, сложив ноги, на мягком возвышении, другой с поклоном передает ему бумагу, третий стоит рядом. Это изображение должно было иллюстрировать рассказ о пребывании в «Бухарии» во времена эмира Насруллы английского миссионера Ю. Вольфа, который пытался спасти от смерти двух плененных офицеров-соотечественников.

Примером того, что еще в 1859 г. среди отечественных читателей было распространено смутное представление о Бухаре, может служить заметка «Город и крепость Бухара», опубликованная в еженедельнике «Иллюстрация». Географическое определение местонахождения Бухары и скудная информация о ней как о «благоустройнейшей из всех независимых татарских владений» создавало туманное представление у читающей публики об этом крае: «посреди пустыни в роскошном оазисе лежит Бухара, столица и резиденция Бухарии» [Иллюстрация. 1859. № 212]. Не прояснял картину и рисунок, сопровождавший текст. На нечетком изображении просматривался лишь холм, на котором виднелись силуэты высоких глинобитных стен с вершинами минаретов. Подобного рода информация могла вызвать лишь усиливающийся интерес к Бухарскому ханству.

Даже в 1860-е годы Бухарское ханство называли «заколдованным царством». Россия была единственной европейской страной, с которой эмират поддерживал торговые и государственные отношения. После того как Бухарское ханство превратилось в вассальное от России государство, вековой изолированности Бухары от внешнего мира пришел конец. Это вызвало значительное увеличение интереса к Бухаре, древнейшему городу, который называли «жемчужиной Востока» и матерью азиатских городов. Бухара стала обобщенным образом всего региона. За сравнительно короткое время в отечественных публикациях появилось огромное количество разнообразного материала, в том числе рисунков и фотографий.

Поступление в МАЭ самой ранней фотоколлекции по Бухарскому ханству относится к 1894 г. от Н. Ордэ (колл. 255, 1403). Снимки Н. Ордэ, побывавшего в эмирате во второй половине 1880-х годов, помогали полнее представить жизнь его населения, стали дополнительным источником для дальнейшего изучения культуры региона. В Бу-

харском ханстве, как и в некоторых других районах Средней Азии, специфика местной культуры проявлялась в архитектуре, costume, украшениях, наиболее типичных занятиях населения, видах ремесел и т.п. Здесь также сохранялись отдельные явления социальных институтов, таких, например, как бачи, существовавшие до прихода русских на территории Западного Туркестана и затем запрещенные русской администрацией. Все эти сюжеты нашли отражение в коллекции Н. Ордэ. Для своего времени собрание фотографий Н. Ордэ стало своего рода энциклопедией Бухары.

В 1908 г. студент-медик Е.Н. Павловский передал в музей коллекцию стереоскопических снимков по Бухаре (колл. 1320). На снимках коллекции Е.Н. Павловского можно увидеть памятники мусульманской средневековой архитектуры, уличные сценки, эмирских солдат, нищенствующего дервиша, группу бухарских евреев.

В начале XX в. в музее было обнаружено несколько художественных портретов двух последних бухарских эмиров и их сановников, выполненных известными петербургскими фотографами А. Ренцем, Ф. Шрадером и В. Ясвоиным, которые были зарегистрированы как поступление «Из старых коллекций» (колл. 1695).

Видный ученый И.И. Умняков в 1912 г. передал коллекцию с видами Бухары (колл. 2020). Несколько фотоизображений по Бухарскому ханству, в том числе «Гарем эмира», поступило в 1921 г. от В.М. Иеромузо. При более пристальном изучении этого фотокадра выяснилось, что автором его является Н. Ордэ (колл. 2805). В 1913 г. состоялась командировка в Бухару художника Б.Ф. Ромберга для фотографирования мечетей и сбора этнографических предметов. Он побывал в Яккобакском бекстве и сфотографировал бека и его сановников (колл. № 2258-91, 92).

В 1921 г. библиотека Петроградского района передала в музей фотографии с иллюстраций по архитектуре Бухары (колл. 2808). Виды и интерьеры летнего дворца эмира Ситоре-и-Мохасса запечатлены на изображениях, которые поступили в 1920-е годы от Таланцева (инициалы неизвестны) (колл. 3231). Собиратель Мирза-Ибрагим Мамед-заде сотрудничал с музеем в конце 1920-х — начале 1930-х годов и передал несколько изображений архитектурных достопримечательностей столицы ханства, в том числе Гиссарской крепости (колл. 4442).

В 1932–1934 гг. в Ленинграде в связи с 10-летней годовщиной образования республик Средней Азии (1924–1934 гг.) проводились конференции по изучению производительных сил региона. МАЭ подготовил ряд выставок, одна из них называлась «Производительные силы Таджикистана». На выставке демонстрировались не только фотографии

по Бухарскому ханству из собрания музея, но и другие снимки, пополнившие фонды музея после ее закрытия. Среди них — фотокопия с книжного издания «Эмир бухарский со свитой и русскими гостями», как удалось установить, С.М. Прокудина-Горского (колл. И-68). Определить изображенного на этом снимке последнего эмира Бухары помогло знакомство с фотографиями известного мастера С.М. Прокудина-Горского (1863—1944), который в начале XX в. неоднократно посещал Бухарское ханство и оставил портреты Алим-хана.

Снимок газетной вырезки, на котором последний бухарский эмир изображен кадетом во время учебы в Петербурге, был передан в МАЭ из Этнографического отдела Русского музея (ныне — РЭМ) (колл. И-922).

В 1946 г. от Н.С. Воронец поступила коллекция старых фотографий 1898—1902 гг. из жизни бухарцев, в том числе стереоскопических. На снимках видов Бухары — *хаузы*, из которых водоносы брали воду, кишлак, караван-сарай, расположенные в окрестностях столицы, загородный дворец эмира Шир-будун, тронный зал в нем, учащийся медресе, дервиши, сценки на базаре, продавцы, женщины в уличной одежде, еврейский квартал и его обитатели (колл. И-1179).

В 1950-е годы среди музейных материалов были выявлены фотографии, выполненные известным фотографом А.Н. Энгелем. На одном из снимков можно увидеть, как выглядела станция Закаспийской железной дороги, здесь же показаны лавки торговцев на базарах, мусульманское кладбище, «бухарская палатка» (колл. И-1447). В 1931 г. от Среднеазиатской экспедиции АН СССР в музей передали фотографию с картины художника Белько (инициалы не указаны) «Взятие 2 сентября 1920 г. г. Бухары революционными войсками» (колл. 4527). Последнее поступление по Бухаре относится к 1969 г. от В.П. Ивашкевич. На фотографии 1920-х годов снят общий вид Бухары, ее здания, уличные зарисовки (колл. И-1969).

В фотоколлекциях МАЭ по Бухарскому ханству собиратели-путешественники главное внимание уделяли знакомству с достопримечательностями его столицы — Бухары. На снимках «Ворота Шейх-Джелаль» и «Кара-Кульские ворота» показана высокая зубчатая глинобитная стена с выступами вроде башен и несколькими воротами, которая окружала столицу ханства. Обычно каждый среднеазиатский город имел цитадель и крепостную стену, которая защищала от набегов соседних народов. В литературных источниках указывалось, что высота бухарской стены была около 10,5 м, длина с 11-ю воротами почти 15 км. К концу XIX в. городская стена утратила прежнее значение крепостного ограждения, а на рубеже веков она начала осыпаться и растаскиваться жителями города для строительных нужд. Поэтому снимки 1898—1902 гг.

с изображением сохранившихся ворот и части крепостного сооружения содержат ценную информацию по истории Бухары.

По воспоминаниям очевидца, известного востоковеда А.А. Семёнова, такие, как на снимках, двусторчатые деревянные ворота, окованные железом (толщиной около 13 см, высотой до 4 м и 6 м в ширину) запирали толстыми засовами и замками редкой величины. Ключи ото всех ворот после вечернего намаза, с 9 до 10 часов вечера, относили в Арк (цитадель), где жил эмир, и передавали *кушбеги* (высшему сановнику ханства). По утрам ворота открывали очень рано, после первого намаза, т.е. до рассвета. До прихода русских опоздавшим приходилось ночевать за воротами. Считалось, что порядочные мусульмане не ездят по ночам. С появлением русских привратники за обещанное вознаграждение бегали в любое время за ключами и открывали ворота [Семёнов 1960: 1006].

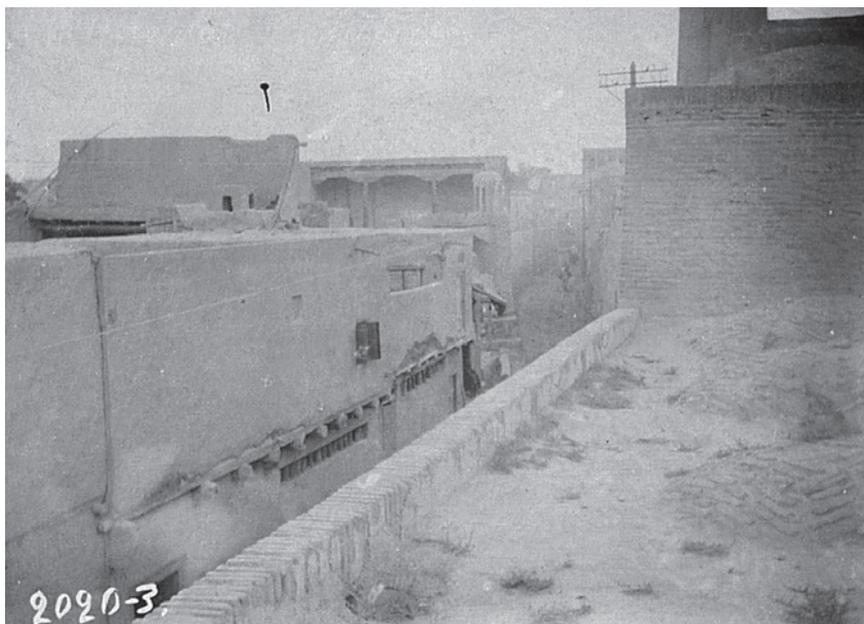
На фотографиях из коллекции МАЭ снята панорама Бухары (колл. И-11799; И-1969-5).

Общий вид Бухары. В.П. Ивашкевич. Конец XIX — начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-1969-5

Над низкими глинобитными постройками с плоскими крышами поднимаются купола мечетей и вершины минаретов. В воображении

европейцев облик Бухары и вообще восточных городов представлялся в блеске и величии, связывался с описаниями «Тысячи и одной ночи». На самом деле Бухара была застроена довольно тесно и во внешнем облике напоминала многие среднеазиатские города, как это показано на снимке «Главная улица» (колл. № 2020-3). Улицы без тротуаров и мостовых «головоломным лабиринтом» вились среди серовато-бурых высоких заборов — *дувана* — и производили впечатление длинных и пустынных коридоров. Среди описаний Бухары часто встречались упоминания о том, что на узких улицах города было не разъехаться двум арбам.

Главная улица. Бухара. И.И. Умняков. Конец XIX — начало XX в.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 2020-3

Фотография «Сельская усадьба» воспроизводит вид одного из кишлаков, расположенных в окрестностях столицы (колл. И-1179-45). Стены большого числа разных строений плотно примыкают друг к другу, жилые постройки располагаются в глубине дворов. Исследователь Бухары А.А. Семенов отмечал, что ориентироваться на однообразных улицах по зданиям было невозможно. Требовалось несколько раз проехать по селению, чтобы найти нужный дом. В некоторых случаях только лавочки, мечети, арыки вдоль улиц и плохие мосты служили отличительными знаками.

Бухара и ея окрестности. Сельская усадьба (кишлак). Н.С. Воронец 1898–1902 гг.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-1179-45

Среди фотоснимков по Бухаре немало места отводилось изображениям исторических и архитектурных памятников — мечетей, медресе, мавзолеев, которыми славилась столица. В Бухаре, одном из центров мусульманской учености, насчитывалось около сотни медресе, которые являлись училищами высшего мусульманского образования. На снимке показано медресе Кукульташ, известное большим количеством учащихся, проживавших в *худжрах*, кельях и комнатках (колл. № 2020-20). Учащиеся медресе нередко были приезжими, и комнатки-кельи снимали не только в медресе, но и в квартальных мечетях, семейных мавзолеев и даже в лавках торговцев [Сухарева 1958: 72]. В медресе находился зал для лекций, библиотека, мечеть, а также общая кухня.

В Бухаре имелись сотни медресе, но, по данным О.А. Сухаревой, в конце XIX — начале XX в. занятия проводились лишь в пятой части. Остальные были приспособлены под общежития, «обитатели которых могли не иметь к медресе никакого отношения» [Сухарева 1958: 97].

Сохранилось описание скромного жилища бухарских студентов: «Роскошь у них не одобряется, т.к. они обучаются не только наукам, но и нравственности. Полутемные комнаты шагов в семь в длину и столько же в ширину. Маленький каменный столик и несколько ниш в стенах — для книг, пищи, а одно — специально для кипячения воды и вообще стряпни» [Никольский 1903: 37]. Англичанин А. Борнс, посетивший Бухару в начале 1830-х годов, впервые описал систему преподавания

Фасад мадрасе Кукельташ. И.И. Умняков. Конец XIX — начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 2020-20

в медресе: «По приказу эмира все училища закрываются на полгода, чтобы дать возможность живущим в них обработать свои поля и тем прибавить что-нибудь к своему содержанию». При этом он добавлял: «Что сказали бы наши оксфордские и кембриджские юноши, если бы им пришлось жать пшеницу?» [Борнс 1849: 432].

В Бухаре отсутствовали государственные учебные заведения, медресе возникали и поддерживались только на частные пожертвования. Считалось, что покровительствовать науке — дело почетное и благородное, поэтому эмиры всегда поощряли медресе. По установившемуся издавна обычаю, эмир и народ ежегодно жертвовали значительную сумму в пользу духовенства и учащихся. В медресе получали не только религиозную подготовку. Кроме духовенства в медресе учились клерки, каллиграфы; *табибы* овладевали врачебным делом, изучая медицинские сочинения, приобретали знания и опыт; получали образования люди, интересовавшиеся литературой и наукой [Сухарева 1962: 24–25].

На стереофотографии изображение студента медресе — *мулло-бачи* (колл. И-1179-4). В число учащихся медресе мог быть зачислен любой

желающий, окончивший начальную школу *мактаб*, т.е. получивший начальное образование. В Бухару стремились молодые люди со всех концов страны, чтобы получить там законченное образование в мусульманском правоверном духе.

Бухара. Студент медресы. Н.С. Воронец. 1898–1902 гг. МАЭ. Колл. И-1179-4

Ученики медресе изучали богословские дисциплины, арабский язык как язык священных книг. На персидском и арабском языках изучали физику, химию, логику, метафизику и другие науки. Многие бухарские ученые впоследствии стали знаменитыми.

В медресе, как в мактабе, не было строго регламентированного срока обучения [Рахимов 1989: 17, 131]. Программа обучения в медресе разделялась на низший, средний и высший курсы. На курсе студент обязан был пробыть не менее трех лет, но позволялось и больше. Поэтому в медресе среди учеников встречались «личности почтенные», 35–45-летнего возраста. Экзаменов в медресе не было. Изучив одну книгу, приступали к изучению другой и т.д. Переходили с курса на курс, закончив изучение очередной книги.

Слушатели жили на стипендию, размер которой зависел от дохода медресе. Студенты старших курсов получали более высокую стипендию. П. Шубинский в 1892 г. отмечал, что бухарские студенты в общем жили безбедно. Кроме того, они использовали длинные каникулы (учебный год длился шесть месяцев, с 22 сентября по 22 марта) [Сухарева 1966: 301], чтобы заработать частными уроками, преподавали в окрестных кишлаках или отправлялись к кочевникам, у которых всегда были же-

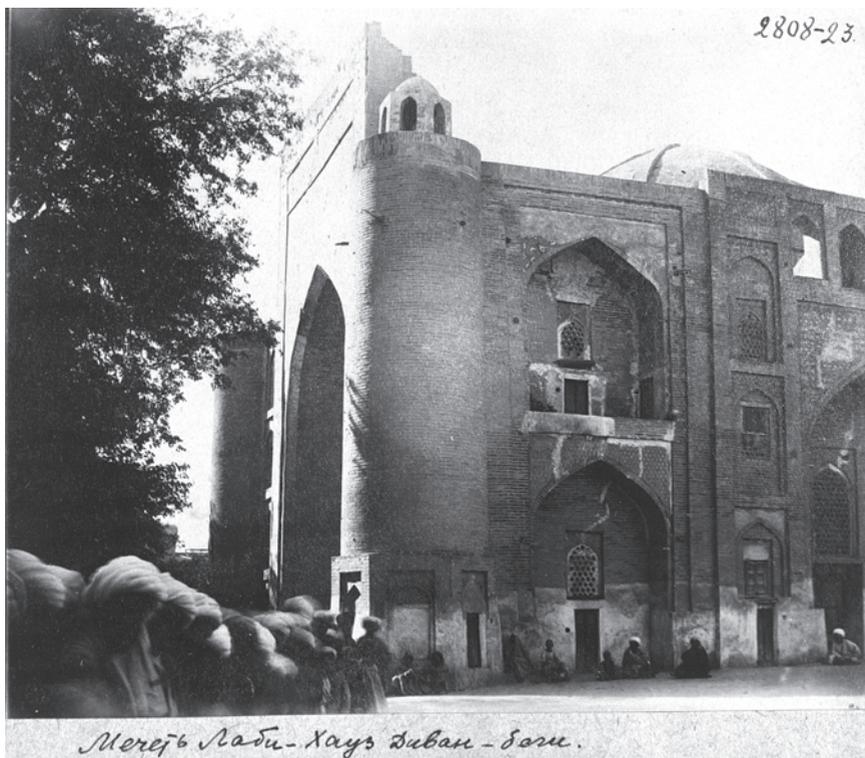
ланными гостями. Среди бухарских мулл выделялись преподаватели медресе, *мударисы*, которые, по словам современников, как и их ученики, тоже были вполне обеспеченными людьми: «Их материальному достатку может позавидовать любой из наших тружеников науки» [Шубинский 1892: 72].

В Бухаре действовало более трехсот мечетей, по числу улиц. Судя по фотографиям, над городом возвышался минарет Калян (колл. № 1320-15). Месджити Калян была главной мечетью, в которой эмир по пятницам присутствовал на молитве, намазе. С высоты минарета Калян муэдзины созывали по пятницам на молитву жителей столицы. Круглый минарет Калян находился рядом с мечетью. По сведениям П. Пославского, П. Шубинского, Н.П. Стремоухова и других авторов XIX в., с верхнего яруса вершины минарета сбрасывали приговоренных к смерти преступников на вымощенную каменными плитами площадку. На глазах собравшей толпы и сотен воспитанников медресе осужденных, которые были завязаны в мешок, клали на особую доску и выдвигали за окно [Пославский 1891: 482; Шубинский 1892: 73; Стремоухов 1875: 684]. Последний преступник был казнен таким образом в 1871 г.

На другом снимке «Мечеть Лаби-хауз Диван-беги» показано известное культовое сооружение и рядом пруд— хауз (колл. № 2808-23). В этой мечети собиралось на намаз, молитву, большинство жителей Бухары, а пруд считался одним из наиболее значительных бухарских водоемов. На снимке другой коллекции на берегах хауза и на крышах ближайших построек расположились ожидающие намаза. Двор с прудом посередине был обязательной принадлежностью каждой мечети. Обычно хаузы обсаживали деревьями. Под их сенью расстилали ковры и циновки, на которых сидел, отдыхая, народ. Рядом могли находиться чайханы. На берегу хауза пили чай, слушали рассказы сказителей о жизни святых. Некоторые люди наполняли водой из прудов *турсуки*, кожаные сосуды, и уносили ее домой для хозяйственных нужд. Из-за плохой обеспеченности водой в Бухаре для экономии она сохранялась также в дворовых прудах. Вода в них застаивалась, гнивала и была источником распространения различных заболеваний.

Из хаузов брали воду также *машкобы*, чтобы поливать улицы, как показано на снимках водоносов (колл. И-1179-47, 46; № 255-133; 3231-13). Водоснабжение даже Арка в Бухаре было организовано так, что водоносы брали воду в пруду и везли ее на ослах к воротам Арка. Во время военных действий существовал тайный водопровод в виде подземного канала.

Для мусульман Бухара была своего рода меккой. Здесь многие места почитались и привлекали паломников. Бухарцы считали, что

Мечеть Лаби-хауз Диван-беги. Конец XIX — начало XX в. МАЭ. Колл. № 2808-23

«если повсюду свет шел сверху с высоты небес, то в Бухаре он исходил снизу, из почвы самого города» из-за обилия святых мест и святых людей [Семенов 1960: 1006]. «Святость города» увеличивало необыкновенно большое количество кладбищ в городе и отдельных могил во дворах. По наблюдениям П. Пославского в 1890-х годах, фамильная усыпальница почтенного рода всегда находилась во дворе собственного дома. Факт захоронения при домах, когда человек завещал похоронить себя в своем доме, отмечала также О.А. Сухарева [Сухарева 1966: 85–86].

Примером святого места в Бухаре была гробница особо почитавшегося покровителя Бухары Баха ад-дина. Его гробница находилась в окрестностях столицы ханства. На фотографии второй половины 1880-х годов снят старинный кишлак Баха ад-дин, как называли гробницу шейха и окружавшие ее постройки (колл. № 255-173). На снимке можно увидеть, что по внешнему виду кишлак Баха ад-дин почти ничем не отличался от других селений. Его жилища, мечеть, дома для палом-

ников утопали в зелени деревьев. Вдоль улиц кишлака тянулись постройки для нищих, в которых обитало до нескольких сот человек, живших и питавшихся бесплатно. Пищу в приюте для странствующих дервишей готовили ежедневно в четырех огромных котлах. Улица нищих вела к воротам исторического кладбища, где покоились потомки Баха ад-дина, некоторые выдающиеся личности и общественные деятели разных эпох существования Бухары [Шубинский 1892: 95].

Бухара. Кишлак Бугоэдин.

Бухара. Кишлак Бугоэдин. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-173

Недалеко от гробницы мазара Ходжа-Баха ад-дина находился святой ключ с чистой и вкусной водой. К могиле Ходжа-Баха ад-дина ежегодно стекались сотни тысяч паломников, профессиональных нищих, представителей мусульманских орденов. Они совершали религиозное хождение вокруг могилы, читали молитвы, просили о своих нуждах.

Бухарские эмиры перед вступлением на престол совершали паломничество в кишлак и делали значительные пожертвования. Двукратное или троекратное посещение места захоронения святого равнялось паломничеству в Мекку.

Кишлак представлял собой «нечто вроде независимого городка, у ворот которого оканчивается сфера влияния светской власти, где духовенство является полновластным распорядителем» [Сухарева 1966: 85–86]. Это был своеобразный мусульманский монастырь, *токие*. Внутренняя организация дервишских монастырей и их социальное значение были основаны на совершенно других началах, чем европейские монастыри.

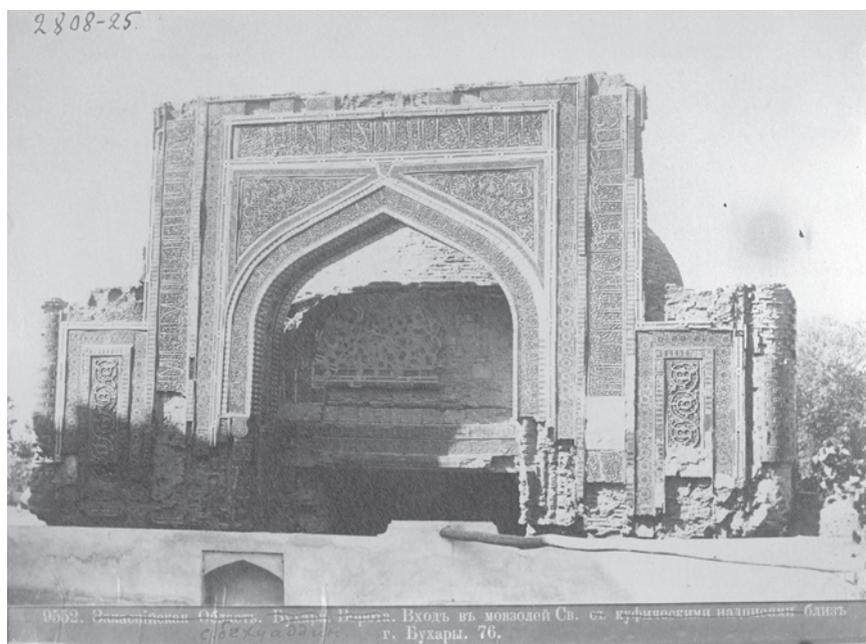
Подробно жизнь Баха ад-дина одним из первых отечественных востоковедов изучал по персидской рукописи А.А. Семенов [Семенов 1914]. Накшбанд Баха'ад-дин Мухаммад-ал-Бу-хари (1318–1389) широко известен как крупнейший представитель среднеазиатского суфизма времен Тимура. От его профессии (*накшбанд* — чеканщик) происходило название братства *накшбандийа*. Баха ад-дин не был его основателем. Он заложил организационные основы будущего ордена, названного его именем, дополнил рядом положений теории и практики. Последователями братства были многие выдающиеся деятели, в том числе известный поэт Алишер Навои.

Баха ад-дин родился в семье таджика, ремесленника ткача и чеканщика. Основную роль в его судьбе сыграл дед, имевший связи с *суфиями* и пробудивший у внука интерес к мистике. Почти всю жизнь Баха ад-дин прожил в Бухаре и окрестных селениях. Он был проповедником и жил в добровольной бедности. После смерти его канонизировали. Культ Баха ад-дина получил широкое распространение в Средней Азии, во многих странах Востока, а братство *накшбандийа* считалось одним из наиболее распространенных, влиятельных и могущественных дервишских орденов в мусульманском мире [Ислам 1998: 78–80].

Братство *накшбандийа* не имело единого общего центра. Погребальный комплекс Баха ад-дина, покровителя ордена, был местом поклонения всех членов *накшбандийа*. Традиционно братство отрицало аскетизм, большинство «братьев» были женаты. По преданию, Баха ад-дин оставил после себя многочисленное потомство, которое обосновалось в окрестностях его мазара. Со временем обитатели кишлака Баха ад-дин, которые происходили по мужской линии от Баха ад-дина, были освобождены от повинностей и пользовались большим уважением среди народа. По словам А.А. Семенова, здесь же жил руководитель общины братства главный шейх *рас-уль-мешейх*, считавшийся потомком Баха ад-дина. Изучая историю ордена в начале XX в., А.А. Семенов писал,

что «среди современных накшбендиев Средней Азии можно встретить людей, принадлежащих к самым разнообразным профессиям и классам общества, которые в повседневной жизни приносят дань всем ее разнообразным проявлениям. И лишь случайно из разговора или присутствия на *зикрах* узнаешь их принадлежность к названному ордену» [Семенов 1914: 209].

Место захоронения Баха ад-дина, привлекавшее мусульманских паломников, вызывало интерес также у путешественников-европейцев в более поздние времена. В собраниях МАЭ хранится снимок, поступивший в музей в 1921 г., но сделанный, по нашим предположениям, в начале XX в. «Вход в мавзолей с. Бехуаддина» (колл. № 2808-25). Исторические фотографии позволяют сравнить их с современным состоянием этого культового места [Аверьянов, Башарин 2009].

Вход в мавзолей с. Бехуаддина. Начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 2808-25

После «открытия Бухары» тема этого древнейшего центра торговли и ремесел, куда стекалась масса ремесленников и купцов, была традиционной для литературы XIX в. о Средней Азии. Авторы публикаций сообщали, что в городе было около 40 караван-сараяв.

На снимках показано, как во дворе караван-сарая отдыхают его обитатели, мусульманский торговый люд (колл. № 255–280). В караван-сараях сидели их владельцы, встречая прибывших, принимая товары. Караван-сарай были складскими помещениями по видам товаров. В один привозили мануфактуру, в другой — шерсть и т.д. Караван-сарай были не только оптовым складом для некоторых товаров, но и пристанищем для приезжих купцов. По определению О.А. Сухаревой, многие из специализированных караван-сараяв принадлежали купцам, которые приезжали из какого-нибудь места, имевшего с Бухарой постоянную связь, например хивинцам [Сухарева 1958: 96].

Товары, поступавшие в караван-сарай, прибывали на верблюдах и арбах. По воспоминаниям Л.И. Ремпель, один раз в год каждую весну из Бухары отправлялись большие караваны по трем главным маршрутам — на Оренбург, Троицк и Красноводск. В каждом караване было несколько сот груженых верблюдов. В назначенный день и час они собирались в условленном месте [Ремпель 1981: 53]. В Бухару шли более мелкие группы вьючных животных, по 10–15 верблюдов, направляясь в караван-сарай. Туда непрерывно привозили и увозили кипы товаров, которые разбирали во дворе и уносили в помещения. После разгрузки товаров верблюдов сразу уводили в специальные караван-сарай, которые находились за городскими воротами. Если двор караван-сарая был большим, то посреди него бывал навес для вьючного скота. Во дворе караван-сараяв имелись колодцы, которые тщательно поддерживались.

Как показано на фотографиях, караван-сарай имели внутренние дворы, обстроенные зданиями (колл. № 2805–52). Нижние этажи в них занимали лавки, кладовые, а верхние сдавались внаем приезжим. Караван-сарай разделялись на большое количество маленьких комнат с отдельной дверью, которая выходила на площадку. В комнатах был каменный пол, в их дальней части обычно лежала циновка. Балки, соединяющие стены, служили вешалками для одежды, седел и сбруи [Обручев 1890: 428]. В таких каморках купцы не только жили. Здесь хранили наиболее ценный товар — шелка, кисеи, чай, сахар, опиум. В караван-сараях многие купцы имели своеобразные конторы, в которых вели деловые переговоры и совершали торговые сделки, как показано на одной из фотографий (колл. И-1447-15) [Сухарева 1958: 107]. На другом снимке около двери одной из комнат нагромождены мешки и тюки, возможно, с сухофруктами или другим товаром (колл. № 255–280). Здесь же, на площадке, сняв туфли, расстелив халат и обратившись в сторону Мекки, купцы совершали намазы.

В караван-сараях собиралось много народа, кто покупал, кто пришел посмотреть и узнать новости. В таких же караван-сараях и на спе-

циальных невольничьих базарах до прихода русских проходила торговля невольниками. Например, молодых женщин на продажу не выставляли, а держали в каморках караван-сараев, куда и приходил покупатель. Но осматривал их не он, а опытные пожилые знахарки.

Лучшие караван-сарай строили из плоского квадратного кирпича (колл. № 255-280). Обычно они располагались в центре города вдоль базара. В более простых караван-сараях, располагавшихся ближе к окраинам (один из них показан на снимке — колл. И-1179-40), можно было останавливаться приезжим крестьянам, дехканам с лошадьми и ишаками, что не допускалось в караван-сараях в центре города. Здесь же могли жить бухарские солдаты.

На территории обширных караван-сараев производилась оптовая торговля хлопком, шерстью и красным товаром, местными тканями и кисеей. Продажа муки, зерна, леса производилась в более отдаленных частях города. Караван-сарай были обращены к улице лавками и составляли часть базарных рядов.

В Бухаре было множество базаров: кроме главного еще до 50-ти более мелких, крытых и некрытых. Бухарские базары изобиловали шелковыми тканями, хлопчатобумажными материями, коврами, изделиями из золота и серебра. Базары были наиболее людной и оживленной частью города.

По фотоснимку «Крытый базар» можно представить, что бухарские лавки по своему внешнему виду напоминали длинный на всю улицу сплошной навес (колл. № 255-170). Благодаря циновкам, протянутым от лавки к лавке, на базарных улицах было прохладно. Сплошной крытый базар разделялся, как показано на фотографии, на отдельные лавки. В таких небольших сарайчиках, чуть приподнятых от земли, на деревянных полках или на кольях, вбитых в стену, были развешаны и разложены различные товары. Рядом с выставленными в лавках товарами на полу на коврик или войлоке обычно сидел продавец. Возле него мог стоять небольшой сундучок (окованный железом) с деньгами. Чаще всего лавочники целыми днями сидели и пили чай. В отличие от мелких торговцев, весь день сновавших по улицам и громко расхваливавших свой товар, лавочник сидел неподвижно и безучастно смотрел на прохожих. Он не зывал покупателей, т.к. это было не принято [Никольский 1903: 15].

Дверей в таких лавках не было. На ночь их закладывали досками и подпирали запором. Мелочные торговцы на ночь уносили весь товар домой. Спустя два часа после заката солнца все лавки в городе запирались, и всякого, кто осмеливался в это время суток ходить по улице, забирали, ночные сторожа. «Как только стемнеет, благочестивый набож-

ный мусульманин должен сидеть дома, в семейном кругу. Ночью больной может умереть без доктора и лекарств. В соседнем доме может случиться пожар или убийство — никто не явится на помощь, не отзовется на крики жертв», — писал о бухарских порядках очевидец [Обручев 1890: 429].

Торговцы делились на крупных купцов и лавочников. Были еще мелкие, торговавшие вразнос. По мнению художника В.В. Верещагина, побывавшего в Туркестане в конце 1860-х годов, местные жители любили именно мелкую торговлю. Эту особенность подметил в 1903 г. также М.Э. Никольский: «Надо только удивляться, с какими незначительными товарами принимаются бухарцы за торговлю. Имея несколько рублей, бухарец уже становится купцом. Торговля для него любимое почетное занятие» [Никольский 1903: 21].

Ежедневная торговля на базарах велась вяло. Базарные дни, которые чаще всего бывали два раза в неделю, превращались в праздник для местного населения. На Востоке базар имел большое общественное значение. В базарные дни толпы окрестных жителей с рассветом собирались на базар. Жизнь в столице начиналась рано. В летнее время базары начинали торговлю в пять утра. К этому времени уже открывали городские ворота, поток людей наполнял улицы, теснота и давка не давали двигаться вперед.

Чаще всего людям не надо было ничего ни покупать, ни продавать. Они хотели пообщаться, побыть в народе, зайти на базар по дороге в мечеть, побывать на молитве, послушать какого-нибудь рассказчика. «Вскоре после полудня оживление, суета, давка и шум достигают наивысшей точки. Вам каждую минуту угрожает опасность быть опрокинутым ослом или раздавленным верблюдом» [Верещагин 1874: 48]. Зрелище пестрого шумного восточного базара дополнял разнородный этнический состав толпы. По бухарским базарам распространялся характерный аромат Востока, запах пряностей и баранины. На базаре проводили весь день. Здесь муллы произносили проповеди, сюда приходили заклинатели змей, фокусники, танцовщики и актеры.

На базаре узнавали все новости, передавали и обсуждали разные слухи. Все новости базара разносились по городу и окрестным кишлакам с быстротой телеграфа. Даже способ получения базарных новостей имел характерное название — «узун кулак», «длинное ухо» [Шишов 1904].

Непривычных европейцев в первую минуту гам, шум базаров оглушал и ошеломлял, поражало разнообразие и обилие товаров. «Бухарские базары подавляют своей грандиозностью. При сравнительно небольшой численности населения столицы ханства базарные ряды в ней

занимают первенствующее место. Если бы расположить их в одну линию, она растянулась бы на десятки километров» [Семенов 1960: 1008].

За правильностью весов и других мер на базарах наблюдал *раис*. Тут же совершалась палочная расправа над провинившимся продавцом. Многие авторы отмечали, что стоило с приходом русских упразднить эту должность в других городах края, как на базарах стали обмеривать и обвешивать. Все, кто бывал в Бухаре, удивлялись, как во время очередного намаза, когда лавочки оставались открытыми на 20—25 минут, из них ничего не пропадало.

Среди музейных фотографий хранится снимок «Горшечный базар» (колл. № 255-168). Кроме посуды, которая на изображении разложена прямо на земле, в Бухаре в небольшом количестве производили цветные, покрытые глазурью изразцы для облицовки зданий. В прошлом изготовление гончарных изделий, главным образом глиняной посуды, являлось одним из важных промыслов. Бухара была одним из древних центров художественного ремесла, в том числе гончарного, где оно процветало уже в конце XIV в.

Глиняная посуда получила широкое распространение главным образом благодаря своей дешевизне. Это были разнообразные кувшины, блюда, миски, тарелки, чашки, подсвечники и т.п. Посуду делали глазурованной с цветными узорами на лицевой стороне. Однако гончарный круг использовался не повсеместно. Иногда посуду лепили вручную из кома хорошо вымешанной глины, который мастер держал левой рукой, а правой придавал изделию желаемую форму. Затем сосуд подвергался обжигу [Фридрих 1910: 36].

С тех пор как в Среднюю Азию стали завозить более дешевые товары фабричного производства из России, жители охотно стали их покупать, и местные кустарные мастерские, оставшись без работы, закрывались. Поэтому к концу XIX — началу XX в. в Бухаре наблюдался упадок гончарного дела.

Часто лавки были в то же время мастерскими (шорные, токарные, плотничьи, кузнечные и др.). На photographиях с изображениями ремесленников показано, как они работали на виду у всех, разложив рядом свои изделия (колл. № 255-168).

Многочисленные бухарские ремесленники и мастера были объединены в профессиональные корпорации, цехи (*рисоля*). О.А. Сухарева отмечала, что для бухарской торговли конца XIX — начала XX в. типичными были объединения среднего и низшего купечества, как и ремесленников, по торговым рядам [Сухарева 1962: 20].

Часто ремесленные мастерские отдельных цехов располагались рядами вдоль улиц. Встречались целые ряды медников, кузнецов, порт-

ных, сапожников и т.д. На небольших базарах продовольственные товары перемежались с мануфактурными или мастерскими ремесленников. На большом базаре каждый товар помещался в отдельных рядах. За соблюдением такого порядка строго следили, нарушение не допускалось. Занятие торговлей определенным товаром, по мнению О.А. Сухаревой, было наследственным [Сухарева 1966: 236]. Существовали целые улицы, где находились лавки, торговавшие определенными товарами. По впечатлениям приезжих, торговля была любимым занятием бухарских городов.

Главный базар Бухары находился в центре города и занимал несколько улиц. На фотографии «Бухара. Продавцы посуды» трое медников стоят со своим товаром, кувшинами для воды, *кумганами*, чеканными плоскими блюдами, подносами, чилимами, ритуальными предметами, сосудами для омовений с высокими узкими горлышками и длинными красиво изогнутыми носиками (*офтоба*) и другими бытовыми предметами (колл. № 255-171). С давних пор Бухара славилась изделиями из бронзы и меди. На фотографии показаны бухарские торговцы и ремесленники в небольших белых чалмах (в отличие от больших головных уборов, которые носили представители духовенства). Одевались они в полушелковые и хлопчатобумажные из *алачи* халаты, обувались в сапоги на тонкой подошве без каблуков (*ичиги*), поверх которых надевали кожаные туфли (*кафи*).

Лавки, мастерские, караван-сарай и чайханы занимали улицы и переулки, прилегавшие к центральной площади Бухары — площади Регистан. Сама площадь почти сплошь была занята навесами и подвижными лавочками торговцев и заполнена массой народа. С одной стороны возвышалась цитадель с дворцом эмира, с остальных ее окружали мечети и медресе. Цитадель была построена на искусственном холме, обнесенном стеной. В ней располагались многочисленные постройки — дворец эмира со многими службами, дома важнейших сановников, монетный двор, тюрьма, цистерны для хранения воды и т.п.

На снимке показан вход в Арк с деревянными брусчатыми воротами, к которым вел широкий и длинный пандус (колл. № 1320-13). По сторонам ворот сооружены две круглые башни. За воротами продолжался подъем на вершину холма по изогнутому коридору со сводами. Под сводами коридора в нишах по сторонам всегда сидели писцы, которые тут же писали за плату просьбы для эмира.

По определению М.С. Андреева, который детально исследовал историю жизни Арка, общее число людей, постоянно находившихся в нем во время пребывания здесь эмира, в том числе стражников, слуг, жен эмира и пр., не превышало 600–700 человек, а в его отсутствие —

400–500 человек [Андреев, Чехович 1972: 19]. Например, эмир Абдул-Ахад появлялся в Бухаре редко, в основном он жил в другой резиденции. В Арке оставались его бывшие жены и некоторые царедворцы. По рассказам очевидцев, записанным М.С. Андреевым, в одной из стен дворца, со стороны площади, на недосягаемой высоте было маленькое окно. Когда в нем появлялся эмир, народ падал на колени.

Вокруг Арка располагался караул. На фотографиях «Бухарская гвардия» и «Арк в Бухаре» показаны бухарские солдаты (колл. № 255-181; 1320-13, 45). После превращения эмирата в вассальное государство России царское правительство всячески препятствовало усовершенствованию бухарской армии. Фактически армия эмира утратила боеспособность. По впечатлениям русских военных, во второй половине XIX — начале XX в. бухарская армия представляла собой своеобразное явление. Она пополнялась добровольцами, или в нее набирали осужденных преступников. Солдатами были лица от 15 до 50–70 лет. Срок службы фактически был пожизненным. Обмундирование отчасти состояло из старых русских мундиров. Команды нередко звучали по-русски. Учения почти не проводились, наказания были частыми, отсутствовала воинская дисциплина [Рожевиц 1908: 621; Крестовский 1887: 111; Фридрих 1910: 77–79; Семенов 1902: 969 и др.].

При особе эмира состоял конвой, сформированный из части бухарской армии, кавалерии. У всех были шпаги и орден «Бухарской звезды» [Семенов 1902: 969]. После получения эмиром звания атамана Терского казачьего войска гвардейцы стали одеваться в военную форму терских казаков.

Приезжие иностранцы обращали внимание на то, что в некоторых случаях караульные солдаты спали около Арка, оставив свои кремневые ружья в козлах, или часовые у ворот дворца распивали чай в кругу друзей. В свободное от службы время солдаты могли заниматься торговлей [Рожевиц 1908: 621]. В этом случае пехотинцы ходили в повседневной гражданской одежде. «Принято было <...> форменную одежду надевать поверх обычной, всовывая халаты в штаны, а стеганные рукава халатов — в рукава курток. Поэтому пехотинцы казались толстяками, а вся пехота — неповоротливой и неуклюжей» [Айни 1954: 196–197].

Пути сообщения в Бухарском ханстве служили колесные дороги. Они были узкими, пыльными летом, грязными зимой, местами их пересекали довольно глубокие арыки. Ездить по ним было возможно только на местных повозках с двумя огромными колесами, арбах. Колесные дороги связывали города и другие населенные пункты ханства. Также были караванные пути для верблюдов. В горных местах ханства,

где отсутствовали колесные дороги, население не знало арб. Но все-таки бухарцы чаще ездили верхом на лошадях.

По мнению приезжих, конструкция арбы была вполне приспособлена к состоянию местных путей сообщения [Маев 1876: 123–124]. Как показано на снимке, колеса у арбы были деревянными, без железных шин, на тонкой деревянной оси (колл. № 255-165). Большие колеса арбы были очень легкими, сильно пружинили, меньше вязли, шли легко. Для песчаной почвы вполне подходили колеса без шин. При изготовлении деревянного обода для одного такого большого колеса его гнули одновременно человек десять в течение целого дня. Ось делали из пород очень твердого дерева. Вся тяжесть двухколесной повозки приходилась на ось, и одна лошадь свободно везла груз, который иногда равнялся грузоподъемности верблюда [Там же: 125]. Но такой груз был доступен не каждой лошади. Чаще всего на арбу накладывали груз около 400 кг.

Тяжелые оглобли арбы шли на уровне спины лошади и оканчивались хомутом. Лошадь седлали седлом местной разновидности, на котором лежал толстый ремень, соединявший оглобли. Над осью, как показано на снимке, помещалась плетенная из ивовых прутьев платформа. Для перевозки людей над арбой устраивали закрытый полукруглый навес из камышевой циновки для защиты от солнца и непогоды.

В арбу впрягали оседланную лошадь. Возницы (*арбакчи*) сидели на коне (осле, муле) на седле на корточках, поставив ноги на оглобли. Управляли лошадей не вожжами, а поводьями уздечки. Очевидцы отмечали, что непривычному к бухарским седлам человеку езда в них казалась неудобной.

По мнению, например, приезжей светской дамы, подобное устройство этой местной телеги вызывало музыкальные ассоциации: «Даже к скрипучей своей арбе сарты пристраивают палку так, чтобы она задевала за спицы колеса и производила барабанный бой своеобразного ритма; под этот аккомпанемент сарт тянет высоким фальцетом свою монотонную песню» [Духовская 1913: 21–22]. Постоянно раздававшийся на улицах скрип арбы (колеса арбы не смазывали) был одним из аккордов в местной симфонии, который прерывали пронзительный рев верблюдов и вой бездомных собак.

На этом же снимке рядом с запряженной арбой стоит мужчина в распахнутом длинном халате. В зависимости от достатка бухарцы надевали один, два или несколько халатов из местной ткани. Халаты изготавливали широкими и длинными традиционного туникообразного покроя. Под халат надевали длинную, ниже колен, рубаху с длинными рукавами и широкие штаны. Рубаху подпоясывали цветным длинным

матерчатым кушаком. На ноги надевали ичиги, высокие сапоги с тонкой подошвой без каблука, часто украшенные пестрой красной или зеленой вышивкой. Сверху на сапоги надевали кожаные калоши, которые снимали при входе в мечеть, дом, чайхану. Бедняки летом ходили босиком.

Среди фотографий хранится снимок «Бухара, арба эмира» (Колл. № 255-164). Внешне, по конструкции, судя по снимку, она не отличалась от традиционной. Но обод колес у арбы на снимке покрыт шинами из тонких полос железа. Вместо незатейливого сооружения от солнца на этой арбе устроено более сложное укрытие. Края крыши легкой кабинки украшены узорным резным орнаментом. Ее боковые стенки задрапированы однотонным шелком или тонкой кожей. Снимок сделан так, чтобы была видна открытая часть повозки. Внутри лежат вышитые подушки и ковры, которые способствовали комфортному путешествию в ней эмира. На этом же снимке едва заметна богатая упряжь коня с дорогой сбруей и вышитой попоной. Такая повозка предназначалась только эмиру. На другом снимке из коллекций МАЭ показана лошадь эмира в нарядном уборе (колл. № 255-163).

Получить представление об арбе эмира можно из описания В.В. Крестовского, который в 1882 г. был членом посольства князя Витгенштейна в Бухару. Гостям предложили пересечь из тарантаса в эмирскую коляску. Ее сидение было застлано шелковым ватным одеялом, «в ногах лежал лисий мех, на спинке — большие бархатные подушки — вальки. Сели и провалились в пуховую мякоть <...> бережно и тщательно укутывали нас мехами и одеялами, как того требовали условия местного этикета» [Крестовский 1887: 91]. На каждой лошади сидело по одному ездому в чалме и халате с нагайками. Козлы оставались незанятыми, т.к. считалось неприличным, чтобы кто-то сидел в одном экипаже спиной к важным людям. Везли гостей трусдой, потому что ездить быстро солидному человеку было тоже неприлично.

На снимке «Бухарская детская арба» изображены девочки с открытыми лицами, сидящие на арбе, запряженной небольшой лошадкой, в роли возницы выступает мальчик (колл. № 255-166). Эта сцена указывает на одну важную особенность повседневной жизни бухарцев. Как известно, женщина вне дома должна была появляться только в парандже, скрывающей фигуру и лицо. Это правило не распространялось на детей. Правда, как видно на снимке, с головного убора девочек спускается белая кисея, которой в случае необходимости можно было прикрывать лицо. Девичью паранджу изготавливали из красной или бело-красной полосатой ткани, черную вуаль заменяли белой кисеей. Это красиво

одетые дети из состоятельной семьи. За их прогулкой следит мужчина в халате и чалме, стоящий в тени деревьев.

Определенная часть фотографий музейного собрания относится к этнической характеристике бухарцев. Население Бухары было неоднородным, результатом смешения в основном таджиков и узбеков. Таджики составляли важную часть в этническом составе города конца XIX — начала XX в., их было подавляющее большинство. Бухарские ремесленники пользовались таджикским языком. Тем не менее тюркоязычные узбеки составляли видный компонент бухарского населения. На протяжении веков правящие династии, в том числе и последняя, *мангытская*, были узбекскими. Из узбеков формировалась высшая власть. Узбеки занимали привилегированное положение, им принадлежали лучшие земли в ханстве. При этом узбекский язык в Бухаре был распространен мало. Государственным языком, языком делопроизводства, домашним языком эмиров оставался таджикский/персидский [Сухарева 1958: 79; 1962: 12, 13; 1966: 123, 128, 132, 134, 138, 140, 142].

О.А. Сухарева и Б.Х. Кармышева описывают случаи, когда носители таджикского языка назвали себя узбеками, и наоборот. Видимо, это объясняется многовековым слиянием различных этнических элементов, в результате чего возникло неоднородное по происхождению население Бухары. Кроме таджиков и узбеков здесь жили казахи, туркмены, арабы, хазары, афганцы, евреи, индийцы, цыгане.

* * *

В состав иллюстративных коллекций по мусульманскому, особенно городскому, населению Средней Азии в основном входят изображения его мужской части. Женщины позировали редко. Поэтому их портреты представляют отдельный интерес. На снимке «Бухарка» показаны прическа, украшения и одежда женщины (колл. № 255-58). Она в длинном платье с рукавами, закрывающими кисти рук, и нагрудных украшениях.

Бухарка на фотографии без головного убора, что в мусульманской среде считалось большим грехом. Голова женщины должна была быть покрыта платком, завязанным сзади таким образом, чтобы оба его конца были видны. В данном случае фотограф хотел продемонстрировать характерную местную женскую прическу — разделенные на прямой пробор длинные волосы, заплетенные во множество мелких косичек.

Портрет бухарки сделан в конце 1880 — начале 1890-х годов. Она в туникообразном платье с воротником-стойкой и суживающимся

к концам рукавами. Фотография подтверждает данные других источников о распространении именно этого фасона на территории Бухарского оазиса в конце XIX столетия.

На снимке «Бухарцы» изображена молодая женщина с двумя сидящими рядом с ней мальчиками (колл. № 255-167). Приезжим иностранцам трудно было судить о красоте местных женщин и описывать ее. Женщины были отделены от мужского общества, в домах жили на своих половинах, и даже если откидывали иногда с лица сетку паранджи, то прикрывались рукой или рукавом. Но на музейных фотографиях можно увидеть их лица. Те, кому удавалось увидеть бухарок без паранджи, описывали красоту брюнеток с большими блестящими глазами. Местные кокетки часто пользовались косметикой, употребление которой не запрещалось шариатом. Чаще всего как пудра применялись белила из риса или яичной скорлупы. Брови подкрашивали черной растительной краской усма, часто соединяя их, как это показано на снимке, черной полосой, глаза подводили сурьмой. Напрасно в начале 1830-х годов английский путешественник, не имея возможности наблюдать быт женщин, считал, что у бухарок отсутствовало «шегольство красотой, занимающее столь много времени у женщин других стран»: «Здесь никто не смеет говорить с ними; если же проходит кто-нибудь из царского гарема, то встречающимся предписывается смотреть в сторону, а в противном случае удар по голове напомнит им об исполнении: так недоступны даже для взора красавицы в Бухаре» [Борнс 1849: 394].

Платье бухарки на снимке сшито из ткани светлого тона. Обычно при выборе расцветки ткани учитывался возраст, более светлые шли на одежду молодых женщин. Каждая категория населения имела свою особую традиционную манеру одеваться. При этом одежда различалась по цвету и материалу. Домашняя одежда обеспеченной женщины состояла из туникообразного длинного шелкового или полшелкового платья-рубахи до пят, как на фотографии, и таких же очень широких наверху и узких внизу штанов.

На бухарке надето очень широкое платье. Традиционная одежда местных женщин была очень широкой, что было связано с обычаем надевать, особенно в парадных случаях, по два, а на невесту сразу несколько платьев [Люшкевич 1976: 108–120]. Рукава платьев, как видно на снимке, были прямыми и широкими. К концам рукавов подшивались вышитые вставки. Длина рукавов с надставками доходила почти до земли, что заметно по фотографии. Особенность оформления ворота бухарского платья-рубахи — вертикальный разрез спереди, который доходил, как на кадре, почти до подола. Если платье шили из дорогих тяжелых тканей, то вокруг ворота нашивались две полосы бархата с зо-

лотным шитьем, которые соединялись на груди и спускались вниз вдоль разреза платья [Там же: 108, 110].

По интерьеру и одежде женщины можно считать, что на снимке зажиточная бухарка. Поверх платья она носила верхнюю одежду. На платье надет распахнутый широкий халат — камзол, расходящийся спереди и позволяющий видеть надетое под ним шелковое золотошвейное платье-рубашу.

На фотографии у бухарки головной убор, характерный для ирано-язычного населения Бухары: мягкая шапочка с чехлом для кос сзади, которая закрывала лоб, голову и волосы, налобная повязка и платок [Люшкевич 1976: 123]. Головной убор бухарок отличался в зависимости от возраста и семейного положения. После рождения ребенка женщина переходила в другую социальную группу. Она начинала носить новое шелковое платье и меняла однотонную тюбетейку молодых женщин на сложный убор, состоявший из шапочки с *накосником*, платка и налобной повязки [Там же: 115].

Ф.Д. Люшкевич, изучавшая особенности одежды населения Бухарского оазиса конца XIX — начала XX в., отмечала, что «характерной для зажиточных семей являлась высокая налобная повязка с золотошвейной вышивкой спереди», как у бухарки на снимке [Люшкевич 1976: 116]. Эта повязка могла быть шелковой или бархатной. К шапочке она крепилась декоративными булавками [Там же: 75–76]. Головное украшение также могло иметь вид золотой диадемы. Это была лента с подвесками из камней, пластин и цепочек, которые спускались на лоб до глаз. Закрепляли диадему поверх шелкового платка, сложенного по диагонали, внутрь которого иногда вкладывалась бумага [Там же: 74]. На снимке на головной убор бухарки наброшен большой платок, концы которого закинута за спину. Из украшений на женщине надето множество ожерелий, которые часто изготавливали из золотых подвесок с кораллами.

На фотографии женщина держит в руке чилим. При его описании авторы XIX в. отмечали, что чилим подавали уже раскуренным: «Нужно иметь очень сильную грудь, чтобы быстро натянуть дыму из трубки и затем, втянув его в себя, выпустить и повторить затяжку 3–4 раза» [Каталог Туркестанского отдела 1872: 62]. Местное население употребляло также нюхательный табак. Чаще табак жевали, заложив его за щеку. Эти виды табака отличались от курительного. За ним иначе ухаживали, убирали и перерабатывали [Там же: 43].

На снимке «Бухарцы» у ног молодой женщины сидят, по-восточному поджав под себя ноги, два мальчика. Младший в однотонном халате и шапке сферической формы с меховой опушкой. Длинные рукава

халата скрыли кисти рук, как того требовал этикет. На старшем мальчике полосатый халат, из-под его длинных рукавов видны лишь пальцы рук. На нем чалма из тонкой кисеи, халат, подобный тем, которые носили молодые мужчины, из кустарной полупелюшковой полосатой ткани алача, мальчика готовили к обряду обрезания. Тогда же происходило торжественное надевание в первый раз чалмы белого цвета [Люшкевич 1976: 104].

На улице женщина была обязана накинуть поверх домашнего платья паранджу. На старых фотографиях сняты женщины в парандже на улицах Бухары (колл. И-1179-53). На улицах и базарах Бухарского ханства в основном встречались мужчины. Женщины закутанные с ног до головы в паранджу, появлялись изредка. Паранджа была распространена главным образом в городах и была обязательной для женщин всех возрастов. Без покрывала могли ходить по городу только нищие старухи, вдовы и проститутки, женщины, не имевшие средств к пропитанию [Никольский 1903: 30]. «Мужчины про женщин, которые ходят на базар <...> говорят, что это дурная женщина <...> Ни одна порядочная женщина не пойдет в публичное место, на базар, а пошлет за покупкой кого-нибудь», — так писали о бухарках в конце XIX в. [Маев 1876а: 305].

Паранджу обычно шили из хлопчатобумажной алачи синего или серого цветов. В Бухаре и Самарканде — из ткани в узкую черно-серую полоску и украшали тесьмой и вышивкой черного цвета по подолу, полам, вороту, на концах рукавов. К XX в. паранджу стали шить из разных по качеству и цвету тканей и украшать вышивкой и тесьмой, чаще всего белого цвета. Паранджа представляла собой широкий и длинный халат туникообразного покроя с очень узкими длинными ложными рукавами. Рукава внизу сшивали между собой и забрасывали за спину. Паранджу накидывали поверх головного убора. С ее верхнего края опускали на лицо густую черную сетку (*чашибанд*), которую делали из черного конского волоса. Долго находиться в парандже было трудно, в ней становилось душно.

В европейской литературе XIX — начала XX в. преобладало мнение о затворнической жизни местных женщины, которая «служит лишь вещь гарема, созданной для наслаждения правоверных» и т.п. И все же среди авторов встречались такие, кто пытался изучить положение женщины в рамках шариата. Из музейных фотоколлекций можно подобрать галерею портретов местных женщин с открытыми лицами, снятых группами, в кругу семьи, занятых работой и т.д., которые могут рассказать многое об их жизни (см.: [Прищепова 2007]).

Как уже отмечалось выше, по этническому составу население Бухары было многонациональным. Этнический состав Бухары А.А. Семе-

нов характеризовал как «калейдоскоп наций». В Бухаре, так же как и в других азиатских городах, имелись особые кварталы для иноверцев: евреев, персов, индийцев и т.п. [Средняя Азия. 1910, I: 148]. Бухарские базары были разделены не только по видам товаров, но и по национальности купцов. До появления в крае русских торговля в значительной степени, особенно внешняя, была сосредоточена в руках бухарских евреев [Фридрих 1910: 38]. Среди них были люди, известные своим богатством и ученостью. Евреи жили в городах Бухарского эмирата с незапамятных времен. В литературе местных евреев называли «элементом туземного населения, который более всего имел основания приветствовать приход русских» [Бартольд 1963: 374]. Несмотря на гонения, бухарские евреи отличались зажиточностью, «при господстве мусульман достигли значительного благосостояния» и после завоевания края русскими местные евреи, как представители крупного капитала, продолжали играть важную роль в торговле [Логофет 1911: 183].

Еврейское население не смешивалось с мусульманами. Хотя были и евреи, обращенные в мусульманство, также селившиеся обособленно, по соседству с еврейскими слободами [Сухарева 1958: 89]. Это была особая группа населения, состоявшая из нескольких сот еврейских семейств, к которым все относились с презрением. Они не могли заключать браки с таджиками или узбеками, а лишь с персидскими рабами. Разговаривали туземные евреи на особом таджикско-еврейском диалекте и имели мало общего со своими европейскими соплеменниками, в том числе из Европейской России.

В состав коллекций по Бухарскому ханству входят фотографии местных евреев. На одном из снимков показана молодая состоятельная еврейская семья с тремя детьми (колл. № 255-174).

На снимке видно, что одежда женщины имела некоторое отличие в покрое и расцветке платья по сравнению с традиционным среднеазиатским костюмом. В отличие от местных мусульманок бухарские еврейки свои лица не закрывали, как и показано на снимке. Судя по фотографии, мужской костюм бухарских евреев напоминал одежду основного населения, за исключением головного убора. Мужчины, как и мусульмане, брили голову, оставляя две длинные пряди — локоны на висках (пейсы), которые на снимке видны у мужчины и мальчика. По впечатлениям приезжих иностранцев, долготелее пребывание среди мусульман наложило на их внешность отпечаток, хотя они отличались от остального населения [Логофет 1911: 182].

Как иноверцы, бухарские евреи пользовались ограниченными правами, так же как и другие немусульмане. Им было разрешено носить лишь темные однотонные халаты, как на мужчинах на снимках (колл.

Бухара. Евреи.

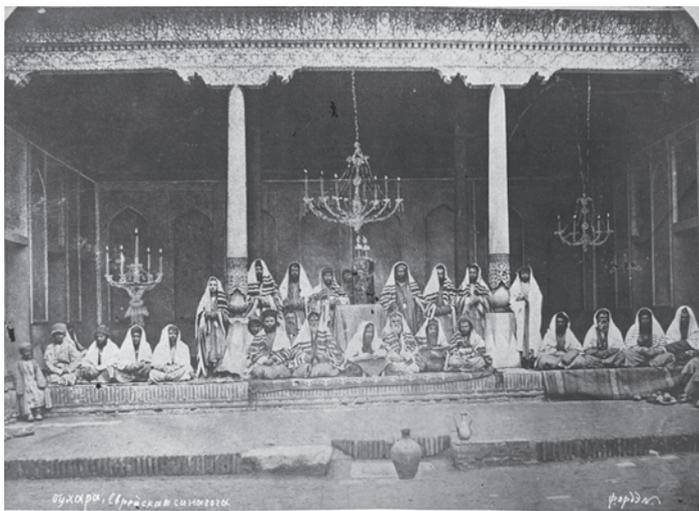
Бухара. Евреи. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-174

И-1179-65; 1320-41, 42). Им запрещалось носить чалму. Вместо нее они использовали меховой головной убор установленного образца, *тильпак*, небольшую четырехугольную шапку из черного сукна, отороченную ка-

ракулем, как у мужчины со снимка; подпоясываться куском ткани или носить пояс, подобно мусульманам, они тоже не могли. Халаты мужчины должны были подпоясывать веревкой, что выделяло их среди мусульман. Эти детали одежды указывали правоверным на немусульман. Они также не имели права носить сапоги. В некоторых городах ханства бухарские евреи могли разезжать только на ослах, в других — должны были постоянно ходить пешком, что было значительным лишением в стране, где пешком почти никто не ходил [Соколов 1894: 45].

Иноверцы не имели права селиться вне своего квартала. На фотографиях показана улица еврейского квартала Бухары, своего рода восточное гетто. Она представляла собой узкий коридор с высокими стенами. По свидетельству очевидца, жилые дома еврейского квартала «были втиснуты в крохотные участки и потому вытянуты вверх до необычайности» [Ремпель 1981: 12]. Дома местных евреев не разделялись на внутреннюю женскую и внешнюю мужскую половины, характерные для мусульманских жилищ.

Восприняв от местного населения образ жизни, одежду и даже во многом нравы, бухарские евреи строго придерживались законов иудаизма. Синагоги существовали почти во всех городах Бухарского ханства. В Бухаре были две действующие синагоги. На фотографии показан интерьер и предметы культа старой синагоги в Бухаре, возраст которой почти триста лет (колл. № 255-175).

Бухара. Еврейская синагога.

Бухара. Еврейская синагога. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-175

Синагоги зального типа, как на снимке, имели плоские потолки. В стене, ориентированной к Иерусалиму, находился шкаф, в котором хранились свитки Торы, трубы и другие принадлежности богослужения. На фотографии в центре зала видна *тэва* — кафедра на помосте, расположенная недалеко от шкафа для свитков Торы. Иногда залы синагоги имели несколько опор в центре. Как показано на снимке, две опоры расположены около кафедры. Опоры в синагогах обычно не декорировались. В синагоге на фотографии у колонн разные основания. Роспись на стенах отсутствовала [Вышенская 1995].

На фотографии синагоги в зале вдоль стен и вокруг кафедры находятся длинные сидения, устланные коврами. На них могли сидеть молящиеся. Внутреннее убранство синагоги было очень скромным. Лишь по верхней части стены проходит широкий бордюр, украшенный геометрическим узором. Старая бухарская синагога, которая, видимо, и показана на фотографии, славилась дорогими коврами, богатыми вышивками в технике сюзане, украшавшими шкаф для хранения Торы. По воспоминаниям европейских путешественников, старая синагога в Бухаре находилась в хорошо сохранившемся здании. На снимке также показаны ритуальные предметы, среди которых кувшин для омовения рук, стоящий в центре зала [Дворкин 1995]. Справа стоит мужчина, который держит посох, использовавшийся во время богослужений, справа и слева расставлены светильники, слева — еще подсвечник.

Синагоги были центром духовного сплочения, общения, культуры. При синагогах имелись библиотеки, книги в которые чаще всего доставляли из Палестины [Логофет 1911: 204]. Здесь детей обучали языку, традициям, оказывали помощь нуждавшимся. На снимке еврейская школа в Бухаре (колл. № 255-176).

Фотографу удалось собрать огромное количество детей. В нижней части снимка разместились дети разных возрастов. Они выглядывают и с верхней галереи. На детях обычная среднеазиатская одежда, халаты, или платья-рубашки — на девочках. У большинства детей на головы надеты тюбетейки, лишь у девочек постарше повязаны платки концами назад.

Бухарские евреи кроме занятий торговлей (продажи чая, шелка-сырца, «красного товара») работали в производстве шелка, им принадлежали заведения по окраске шелка и пряжи. Тех, кто был связан с красильным делом, обычно узнавали по рукам, слегка окрашенным синькой. Женщины из еврейского квартала в отличие от других бухарок наравне с мужчинами занимались торговлей. Они скупали модные товары и разносили их по женским половинам домов для продажи [Верещагин 1883: 84].

Бухара. Еврейская школа. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-176

В материалах О.А. Сухаревой отмечалось, что в еврейских слободах забивали скот и торговали мясом. Кроме того, местные евреи были производителями запрещенных мусульманским правом спиртных напитков и тайными торговцами ими. Они владели хлопкоочистительных заводов, были перекупщиками. В ростовщичестве с ними конкурировали индийцы.

Индийские ростовщики играли большую роль в системе кредитования местного населения Бухары в конце XIX — начале XX в. Когда человек нуждался в мелком кредите, он обращался к ним. Ростовщики выдавали деньги под высокие кредиты.

Индийские ростовщики и менялы обычно размещались на городских базарах в специальных рядах, прячась от солнца под зонтами. В лавочках менял, *сарроф*, возвышались груды мелких медных монет [Обручев 1890: 430]. Ростовщики вели расчеты с помощью особой па-

лочки — бирки. Зарубками на них отмечали очередные расчеты. Их должниками были как крупные купцы и богатые горожане, так и мелкие бухарские ремесленники. Наиболее значительную группу их должников составляли солдаты эмира. В дни, когда эмир выплачивал солдатам жалование, ростовщики с самого утра шли на Регистан, к цитадели эмира, чтобы собрать долги.

С. Айни вспоминал, как в 12 часов дня индийцы надевали черные стеганные халаты, которые бухарским правительством были им «назначены для ношения как неверным», подпоясывались веревкой и надевали на голову особую четырехугольную тюбетейку, не обшитую по краю тесьмой (в отличие от тюбетеек местного фасона). Каждый из них клал несколько десятков счетных палочек в мешок, засовывал его за пазуху таким образом, чтобы были видны концы этих палочек, на которых были записаны имена должников. Профессия мелкого ростовщика считалась среди приезжих индийцев самой легкой и спокойной.

Бухарские индийцы были большей частью приезжими из пограничного с Афганистаном города Пешевара в Индии. Э. Реклю называл бухарских индийцев *мультианцами*, т.е. выходцами из города Мультиан [Реклю 1898: 461]. Они жили, придерживаясь своих обычаев, не смешиваясь с местным населением. Индийцы селились не только в Бухаре, но и в других городах ханства, Гиждуване, Вабкенте, Карши и др., где многие из них приобрели собственность в виде земли, домов, караван-сарая [Логофет 1911: 181]. Издавна Бухарское ханство, лежащее на древнем торговом пути, ведя торговлю с Индией, разрешало индийским купцам устроить здесь караван-сарай, склады и жить в ханстве. Большой спрос на индийскую кисею, парчу, чай и краску привлек в ханство много индийцев. Сначала они занимались только торговлей, а затем перешли к деятельности менял и ростовщиков.

Некоторые из индийцев занимались торговлей драгоценными камнями, которые покупали у них ювелиры и медники. Каждый индеец имел свое «место», которое, покидая Бухару, он передавал вместе со своими делами родственнику. Если умирал кто-нибудь из индийцев и у него не оставалось наследников, то все его состояние переходило бухарскому правительству.

На музейных фотографиях показана одежда бухарских индийцев. Н. Ордэ снял с натуры сценку «Индусы-музыканты» (колл. № 255-182).

В Индии существовало множество бродячих музыкантов, которые пели и играли в людных местах или по приглашению в домах. На снимке они раскинули на земле коврики, сняли обувь, сели и взяли в руки инструменты. Рядом с ними стоит кальян. Вероятно, в центре сидит пе-

Индусы-музыканты. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 255-182

вец. Он поет и бьет в такт руками в барабанчики. Двое других музыкантов играют на струнных инструментах. Исполнитель справа установил инструмент на колено и играет на нем с помощью смычка. На двоих исполнителей надета чалма. Такая уличная сценка с выступлением бродячих индийских музыкантов вряд ли была возможна в Бухаре. Вероятно, этот кадр случайно оказался в составе фотоколлекции Н. Ордэ по средней Азии. Но и в Индии Н. Ордэ (на основании изучения его четырехтомного альбома изображений из собрания РНБ) не был. Таким образом, получается, что сценку «Индусы-музыканты» Н. Ордэ увидел где-то вне Индии.

В музее хранится редкая фотография «Карка. Индусы, курильня» (колл. № 1403-112). На снимке можно увидеть, что одежда бухарских индийцев состояла из халата, который напоминал местный, и довольно узких штанов. На некоторых из них вместо халата надет кафтан, видны рубахи с косым воротом.

Фотограф снял бухарских индийцев, курящих чилим. По всей видимости, это курильщики опиума. В ряде стран наркотики издревле использовали в традиционной медицине в малых дозах для поддержания сил. По сведениям некоторых авторов, относящимся к 1872 г. и более

Карка. Индусы.

Карка. Индусы. Курильня. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-112

позднего времени, например, 1885 г., составленным на основе опросов местных врачей (*табибов*), опиум в Бухаре и Русский Туркестан привозили контрабандой из Индии через Афганистан и продавали небольшими шариками [Каталог Туркестанского отдела 1872: 44; Моравицкий 1885]. Авторы публикаций о Бухаре конца XIX — начала XX в. писали о существовании специальных притонов наркоманов, ночных *опикуррилен*. Один из приезжих иностранцев описывал обед у бухарцев. Хозяева постоянно раздували кальян с опиумом и подносили его гостям, которые по очереди делали одну затяжку и передавали следующему [Фридрих 1910: 23].

С. Моравицкий отмечал, что в Фергане опиум употребляли в виде таблеток, кашец с примесью других наркотиков и курили [Моравицкий 1885: 15]. Как видно по снимку «Карка. Индусы. Курильня», кальян для курения наркотика был похож на обычный, но чубук был толще, тулово круглее и глиняная чаша для табака вместительнее.

По словам известного историка Бухары Л.И. Ремпеля, до сорока процентов взрослых мужчин в Бухаре употребляли разного рода вещества, содержавшие опиум. Он писал о существовании в прошлом опиекурилен, называя их вместе с игорными домами и *бачебази* «наиболее темной стороной быта старой Бухары» [Ремпель 1981: 65]. Внешне опиекурильни походили на обычную чайхану. Их называли *опиум-ханэ* или *токия-ханэ* и, по словам С. Моравицкого, обычно в этих заведениях на полу был разостлан войлок и положена подушка. Возле них горела лампа, лежали принадлежности для курения опиума — трубка, железные спицы и щипчики. В «*наша-ханэ*» посетители могли покурить анашу, в *кукнар-ханэ* желающие пили дурманящий напиток, при этом им предлагали чай и еду. В отличие от этих заведений в опиум-ханэ продавали только трубку, и они считались самыми дорогими. Курильщик вдыхал в себя дым зажженного опиума раза два-три, затем ложился. В некоторых случаях опиум соединяли с табаком.

В рассказах о бухарских индийцах авторы писали, как вечерами из специально привезенных из Индии металлических стаканчиков они пили напиток, вероятно, с сильным опьяняющим действием, т.к. после этого между ними происходили ссоры и драки. По сведениям С. Моравицкого, индийцы Ферганы пили напиток под названием *сабз-аб*. Его готовили из листьев конопли.

В некоторых описаниях местного быта XIX в. встречается изображение сцен курения гашиша. В.В. Верещагин рассказывал, как в приюте для странствующих нищих курили анашу, пили наркотический напиток *кукнар* и принимали опиум [Верещагин 1883: 61–62]. П. Маев наблюдал, как во время праздника, *тамаша*, «принесли чилим, и в воздухе понеслись клубы удушливого сладковатого дыма. Это анаша, которую положили вместе с табаком в трубку» [Маев 1876: 303]. С. Айни отмечал, что находилось немало охотников покурить такую трубку: «Когда вся трубка наполнилась дымом, он поднес отдушинку ко рту одной из собак и через чубук вдунул дым в пасть собаке, с наслаждением выдохшей этот дым. Так дал он покурить второй собаке <...> затем дали во второй раз покурить собакам» [Айни 1954: 196–197].

На фотографии «Карка. Индусы. Курильня» бухарские индийцы сидят в помещении на фоне стены, на которой видны надписи и рисунки фигурок лошади, солнца, человечка.

Литературные сведения о жизни индийской колонии в Бухаре бедны. Поэтому особую значимость приобретает такой источник, как музейные фотографии, относящиеся к концу 1880-х годов. По сведениям А. Борнса, трижды посетившего Бухарское ханство с 1831 г., количество индийцев в Бухаре с начала 1830-х годов значительно увеличилось

[Борнс 1849: 408]. Это было связано, возможно, с неудачами работы первых английских разведчиков в Средней Азии, одним из которых был сам А. Борнс. Вместо разведчиков-англичан (некоторые из них были казнены в Бухаре — Вейберг, Стодарт, Аббот, Шекспир, Конолли) в Среднюю Азию стали засылать под видом купцов индийцев-разведчиков, особенно после 1844 г. [Соколов 1965: 130]. С появлением в крае русских индийцы стали исчезать и возвращаться на родину, постепенно транзитная торговля из Индии стала переходить в руки русских фирм.

Среди иноверческого элемента в Бухаре индийцы составляли все же небольшое число [Бартольд 1963: 374]. По сведениям А. Борнса, в 1830-е годы индийская колония Бухары насчитывала 100—150 человек. Это были исключительно мужчины. Им не разрешалось привозить в Бухару своих жен, а различие религий не давало им возможности жениться здесь: «Они не могут покупать невольниц, дабы правоверная женщина не была осквернена неверующими и, наконец, им не позволено перевозить свои семейства» [Борнс 1894: 407]. Бухарская администрация назначала среди них главного, который надзирал за всеми и выведывал, кто сколько заработал.

Как писал А. Борнс, индийцы не могли носить мусульманское платье, а должны были ходить в особенном платье иноверца: «Индус в одежде, столько же несвойственной ему самому, сколько и его отчизне: небольшая четырехугольная шапка и шнурок вместо пояса отличают его от магометан и <...> предостерегают правоверных от осквернения их обычного приветствия» [Борнс 1849: 391]. До прихода русских они, как и бухарские евреи, должны были одеваться в черные халаты и подпоясываться веревкой, *зуннар*, символом неверия. С. Айни отмечал, что индийцы отличались не только внешним видом, но и специфическим запахом, т.к. смазывали тело особым маслом [Айни 1954: 426].

Если судить по фотографиям Н. Ордэ, внешне бухарские индийцы выделялись также и тем, что на лбу у них красной краской была сделана метка. Это заметно на снимках. Некоторые авторы считали это обозначением символа «священного пламени» [Реклю 1898: 461]. На снимке видно, что индийцы носили подстриженную в кружок бороду, а голову чаще всего брили, оставляя на затылке длинные волосы.

В названии одного из снимков Н. Ордэ подчеркнул, что бухарские индийцы были огнепоклонниками (колл. № 1403-110).

Индийские огнепоклонники, парсы (парси), считались выходцами из Персии. В Индии последователи древнего культа поклонения огню, солнцу, небу, жили главным образом в Бомбее, среди них было много богатых купцов. Они были грамотными людьми, энергичными, предприимчивыми, зачастую получали хорошее образование. Они при-

Бухара. Индусы-огнепоклонники.

Бухара. Индусы-огнепоклонники. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-110

возили в Бухару из Индии с собой книги. На фотографии один из индийцев держит в руках раскрытую книгу. Индийские парсы, сохраняя родной язык, перешли на новоиндийский гуджаратский язык, на котором была написана и их богословская литература. Со снимков Н. Ордэ смотрят серьезные лица парсов. А. Борнс так характеризовал бухарских индийцев: «Поведения они вообще самого трезвого и хорошего. Судя по их неизменной важности, можно думать, что они дали обет никогда не смеяться» [Борнс 1894: 406].

На фотографии «Бухара. Карка. Индусы. Обед» (колл. № 1403-111) присутствуют те же пять человек с кадра «Бухара. Индусы-огнепоклонники». На этой фотографии тоже можно заметить метки на лбу у индийцев, которые могли изображать знаки солнца, огня и язычок пламени [Логофет 1911: 181].

Бухара. Индусы.

Бухара. Карка. Индусы. Обед. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ. Колл. № 1403-111

Н. Ордэ сфотографировал индийцев, сидящих, подогнув под себя ноги, на ковре, один из них курит чилим. Он в чалме, трое других — в маленьких круглых шапках, похожих на тибетейки. Один без головного убора, показана его прическа с довольно длинными волосами впереди. На двоих надеты цельнокроенные халаты без плечевого шва с длинными рукавами, широкими наверху и узкими у кисти, напоминающие по покрою одежду местного населения. На фотографии видно, что у индийца в чалме с чилимом или кальяном верхняя одежда опоясана трижды широким матерчатым кушаком, а у других халаты распахнуты. На индийцах нижние белые рубахи с длинными рукавами и вырезанной по шее линией горловины, длинные и довольно узкие штаны.

На снимке «Бухара. Карка. Индусы. Обед» перед индийцами стоят металлические сосуды (посуда из глины считалась нечистой). Бухарские индийцы были богаты, но жили просто, отказывая себе во всем. В кара-

ван-сараях каждый из них имел свою темную, но чистую комнату. Они не ели мяса, сами готовили себе еду. По закону своей веры, индийцы не ели пищу, приготовленную чужими руками. Приверженность своим обычаям у бухарских индийцев проявлялась в том, что они бросали или разбивали свои кальяны, посуду и другую утварь, если к ней прикоснулся человек другой веры.

А. Борнс считал, что в Бухаре индийцы пользовались веротерпимостью, хотя им не разрешалось строить храм и проводить религиозные процессии, они не имели права ездить верхом по городу, могли жить только в своих караван-сараях, построенных по особому образцу [Борнс 1894: 406; Фридрих 1910: 48]. На снимках «Бухара. Карка. Индусы. Обед» и «Бухара. Индусы-огнепоклонники» показано, что мебели в жилищах индийцев не было никакой, они сидели на возвышении.

Внешностью парсы напоминали персов. Мужская одежда бухарских индийцев-огнепоклонников состояла из широкой рубахи белого цвета, которую носили прямо на теле и потому считали самой священной частью костюма. Сверху надевали длинные кафтаны с пуговицами и застежкой спереди или халаты с широкими и длинными рукавами. Индийские парсы носили тюрбан. В Бухарском ханстве этот убор запрещался немусульманам, поэтому на снимке видны небольшие шапки, на ногах сафьяновые башмаки. Непонятно, зачем парсы приезжали в Бухарское ханство, ведь со своей исторической родины, Персии, они уехали, спасаясь от мусульманского фанатизма. По всей видимости, в эмират приезжало незначительное количество индийцев-огнепоклонников, потому что фотография «Индийские похороны (сожжение трупа на костре), парзада (жрец), читающий молитву» не имеет к ним отношения.

Парсы выставляли тело умершего человека в особом сооружении и считали, что сожжение оскверняет огонь и воду.

В Индии этот обряд обычно проходил на берегу реки. Бедняки совершали его на соломе или просто на земле. Только зажиточные люди сжигали своих родственников. Обычно обнаженное тело покойного укладывали на приготовленный костер, как это показано на снимке. Его сжигали не всегда полностью, обугливали, затем снимали с костра и бросали в воды реки. На этом же снимке можно рассмотреть одежду бухарских индийцев, халаты и узкие длиннополые наглухо застегнутые сюртуки, головной убор — шапку с отворотом, закрывавшую уши и затылок.

На протяжении предыдущих десятилетий в отечественной научной литературе не было принято привлекать в качестве исторических

Индусские похороны. Сожжение трупа.

Индусские похороны. Сожжение трупа. Н. Ордэ. 1880-е годы. МАЭ.
Колл. № 1403-109

или этнографических источников портреты приближенных бухарских эмиров, их родственников и самих эмиров. Эти материалы не изучали, при музейной регистрации не уточнялось, кто запечатлен на них.

Самой сложной и неясной по содержанию является серия фотографий Н. Ордэ с портретами сановников. Датировать время выполнения фотографий коллекции сложно, хотя это важно для установления имен конкретных исторических лиц, которые изображены на снимках и были первыми лицами эмирата.

В коллекцию Н. Ордэ, например, входят снимки с комментариями фотографа: «сын эмира», «братовья эмира» (неизвестно, какого), — что также затрудняет датировку коллекции. Кроме того, существуют разночтения в названиях самих фотоснимков. Например, одна фотография в музейных документах была зарегистрирована под названием «Бухарцы», при этом отсутствовала какая-либо информация о содержании

снимка. В подписи же Н. Ордэ, читаемой на негативе этого изображения, его содержание раскрывается следующим образом: «Брат эмира бух. Теперь паж» (колл. № 255-155). Поэтому при изучении данной коллекции необходимо придерживаться не только аннотаций, написанных музейными регистраторами, но и тех названий фотоснимков, которые дал им собиратель, Н. Ордэ.

Портреты высших чиновников эмирата содержатся также в другой коллекции, в которую входит фотография 1893 г., выполненная в Петербурге придворным фотографом В. Ясвоиным во время приезда бухарской делегации во главе с эмиром Абдул-Ахад-ханом (колл. № 1695-3). Обращение к этому снимку может помочь и в изучении коллекции Н. Ордэ.

Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой. В. Ясвоин. 1893 г.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-3

Так, в коллекции Н. Ордэ хранятся портреты двух эмиров: Музаффара и его сына Абдул-Ахада. Изображение эмира Музаффара из коллекции Н. Ордэ знакомо по публикациям о Бухаре конца XIX — начала XX в. По этому снимку видно, что он является пересъемкой с другой

фотографии. Например, наиболее ранней публикацией этого портрета эмира, 1887 г., стала книга В.В. Крестовского [Крестовский 1887]. Из этой книги, видимо, фотографию и переснял Н. Ордэ. Об этом портрете эмира Музаффара А.А. Семенов писал, что он был выполнен с редкой раскрашенной фотографии, принадлежавшей генералу от инфантерии Н.И. Гродекову (туркестанскому генерал-губернатору). На негативе переснятой фотографии Музаффара Н. Ордэ сделал приписку: «Покойный эмир Бухары Музаффар» (колл. № 255-157).

Эмир Бухарский. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-157

Этот снимок и слова собирателя на нем могут помочь в датировке всей бухарской коллекции, что важно при определении исторических персоналий на бухарских фотографиях. С учетом того, что эмир Сеид-Музаффар-Эддин-Богодур-хан правил с 1860 по 1885 гг. можно предположить, что остальные изображения коллекции Н. Ордэ относятся к периоду после 1885 г., но до 1894 г. (время поступления коллекции в музей), т.е. к начальным годам правления следующего эмира, Абдул-Ахада, к концу 1880-х — началу 1890-х годов.

Один из первых русских очевидцев, участник посольства в Бухару 1865 г. А.С. Татаринов описал внешность Музаффара: эмир с черной бородой, в белой чалме и красном халате сидел напротив дверей в глубине двора, боком у окна. А. Татаринову показалось, что Музаффару было лет сорок [Татаринов 1867: 157].

На снимке из коллекции Н. Ордэ эмир Музаффар изображен с небольшой черной бородой, подстриженными над губой усами и «большими черными глазами», которые он, «вероятно по привычке более, оставляет слегка прищуренными, и только изредка, вскидывая на кого-либо взор, раскрывает их в полную величину» [Крестовский 1887: 135]. Иностранцы отмечали, что борода у эмира была подкрашена по персидской моде и при лучах света отливала красноватым цветом. Щеки его были напудрены и поддурмянены, а брови и глаза слегка подведены. А. Дониш отмечал, что эмир Музаффар просыпается около десяти часов утра и после утренних процедур «в течение получаса смотрится в зеркало, причешивается, накрашивается сурьмой и румянами» [Дониш 1976: 81].

В 1874 г. директор азиатского департамента тайный советник Н.П. Стремоухов посетил ханство. По его описанию, эмир Музаффар был небольшого роста, «чрезмерно толстый» (что заметно и по его портрету из коллекции Н. Ордэ). На приеме эмир был одет в простой шелковый халат. Несмотря на подкрашенную бороду, брови, глаза и щеки, «все в нем обличало человека, истощившего силы на плотские удовольствия. Может быть, когда-то и очень красивый, он теперь имел вид весьма неприятный» и возлежал на шелковых подушках [Дониш 1976: 647]. Эмир приветствовал гостей медленно и очень тихим голосом, что Н.П. Стремоухов объяснял одышкой от тучности.

В январе 1880 г. эмир Музаффар принимал Г.А. Арендаренко, служившего Самаркандским уездным начальником и часто посещавшего Бухару: «Среди огромной залы, оклеенной обоями и усталой паласом соответствующих размеров, на широком кресле, обитом кумачом, сидел в шубе, покрытой канаусом, повелитель ханства — красивый, пухлый, солидный годами брюнет с мягкими темно-карими глазами, с небольшой узбекской бородой, со спокойными манерами» [Бухара и Афга-

нистан 1975: 32]. Ответив на поклон гостя улыбкой, пожатием руки и приветствием, Музаффар-хан предложил ему единственное в комнате кресло. Во время аудиенции Г.А. Арендаренко обратил внимание на дрожание голоса, рук и трясущуюся голову эмира.

В 1882–1883 гг. после аудиенции у эмира Музаффара писатель подполковник В.В. Крестовский отмечал, что эмир был одет просто и «совсем не пестро» «в обыкновенный шаиновый халат темных красок, подбитый мехом». В Бухару посольство прибыло зимой, на голове у эмира была белая чалма из кашмирской шали.

По словам В.В. Крестовского, лицо эмира сохраняло остатки прежней красоты. Другие присутствовавшие на приеме отмечали, что голова и руки у эмира временами тряслись. Н.П. Стремоухов указывал, что эмиру 56 лет, а спустя десять лет В.В. Крестовский давал ему 54 года. Эти приезжие иностранцы не знали точного возраста Музаффара. Но описания внешности эмира у них совпадают, т.е. за десять лет эмир не изменился. К моменту посещения эмира русским посольством, в состав которого входил В.В. Крестовский, в зале для приема гостей заметно прибавилось мебели европейского образца: кроме кресла, которое эмир предлагал Н.П. Стремоухову, появились диванчик и три табурета. Но их было недостаточно: «...мебель путешествует с нами от самой русской границы: как только посольство выезжает куда-либо с официальным визитом, тотчас же несколько местных приставленных к нам джигитов забирают в охапку все находящиеся у нас венские стулья и табуреты и взапуски, перегоняя друг друга, пеше и конно спешат в тот дом, куда предстоит нам ехать, чтобы предупредить там наше прибытие... При возвращении посольства домой повторяется та же история» [Крестовский 1887: 152].

По впечатлениям людей, встречавшихся с эмиром Музаффаром, выражение его лица было весьма приветливым и даже благодушным. Рассказывали, что при этом у него был один условный кривой взгляд исподлобья, и горе было тому, на кого он упадет: «Палач поволочет его на веревке, накинутой на шею, через весь город к базарной площади, обыкновенно служащей местом публичных казней» [Крестовский 1887: 173].

Эмир Музаффар, как верховный правитель, имел право объявлять приговоры осужденным. Иностранцы, посещавшие Бухару, отмечали, что никакая инквизиция не в состоянии была сравниться с жестокостями во времена Музаффара. По мнению ряда авторов, местные нравы во многом напоминали средневековые. Они описывали торговлю невольниками, тяжелое положение осужденных преступников, быт бухарской тюрьмы, места содержания заключенных, наполненные клещами, скорпионами и прочими гадами, всевозможные пытки.

После прихода русских первым из принятых эмиром Музаффаром законов была отменена продажа невольников и освобождены рабы, что расценивалось как смелый поступок для страны, где рабство существовало издавна. Затем были отменены пытки и ограничено применение смертной казни.

На снимке из собрания МАЭ бухарских фотографий Н. Ордэ показана группа колодников, арестантов, с ошейниками, прикованными цепями друг к другу (колл. № 255-183) На другом снимке снято здание бухарской тюрьмы *зиндан*, страшного подземелья, в котором томились закованные в кандалы осужденные.

В Бухарском ханстве смертная казнь чаще всего производилась через повешение, либо приговоренного просто резали ножом или вспарывали ему горло перед входом в Арк. Перерезывание горла и отсечение головы считалось самой обычной казнью.

На фотографии Н. Ордэ запечатлена смертная казнь в Бухаре (колл. № 255-184). Руки трех узников связаны, у одного — за спиной, у двоих — спереди. Это означало, что жить осужденному осталось считанные минуты. Узников сопровождают стражники. В руке у левого стражника большая палка, у среднего — сабля.

Смертная казнь в Бухаре. Н. Ордэ. Середина XIX в. МАЭ. Колл. № 255-184

Писатель А. Аини оставил подробное описание казни в Бухаре. За соблюдением порядка казни строго следил первый визирь. Один из палачей «ударял небольшой дубинкой по голеним осужденного, тот падал лицом вниз <...> и с силой прижимал его голову к земле. Второй палач вынул из ножен коротенький нож с узким лезвием. Убив узника, он вытер нож о халат казненного и убрал его в ножны» [Аини 1954: 2]. На фотографии показано, как одному осужденному, стоящему на коленях со связанными впереди руками, подняв за подбородок голову вверх, палач перерезает ножом горло, другой, уже казненный, лежит на полу. По качеству снимка заметно, что он ретуширован. Возможно, даже подрисовано растекающееся пятно крови. Третий осужденный со связанными сзади руками ожидает своей участи.

Столь яркое описание казни нечасто встречается в литературных источниках, тем более среди документальных изображений. М.С. Андреев в своей монографии об устройстве и жизни бухарского Арка привел описание подобного вида казни. Но при публикации основного текста книги редакторы его опустили из этических соображений, как они сами это отмечали, оставив лишь несколько строк: «Вытащив нож из горла казненного, палач, как и всякий среднеазиатский палач или часто и простой убийца, слегка слизывал кровь с ножа, делая это, чтобы отвратить пагубное влияние убитого им человека, голос его крови» [Андреев, Чехович 1879: 88]. Другие очевидцы подобных сцен добавляли, что «бухарцы ухитряются соединить обезглавление с повешением». Осужденному сначала перерезали горло, а потом вздергивали за шею на виселице [Туркестанские ведомости. 1906. № 114]. Глядя на фотокадр Н. Ордэ, можно лишь надеяться, что для документальной съемки казни автору изображения с его габаритной и тяжеловесной фотоаппаратурой потребовалось бы много времени, в том числе и для наведения «резкости». Вряд ли бы непривычный к подобным сценам фотограф смог бесстрастно через объектив аппарата наблюдать жуткую картину казни людей, думая в это время лишь о качестве и достоверности съемки. Возможно, это павильонная съемка инсценировки казни «по всем правилам», сделанная Н. Ордэ для того, чтобы добавить яркости сюжетам своей фотоколлекции из жизни эмирата.

Музаффар был единственным сыном бухарского эмира Насруллы. В последние годы царствования отца Музаффар находился в Кермине. До этого, как наследник престола, он правил в качестве бека в Карши. Здесь он организовал заговор против отца. Заговор был раскрыт, его участников казнили, а Музаффара перевели в Кермине, ближе к отцу. Здесь он жил в опале. Музаффар начал править после смерти эмира Насруллы.

С правлением эмира Музаффера связано покорение Бухарского ханства Россией. В 1868 г. русские взяли Самарканд, и эмир Музаффар потерял лучшую половину своего ханства в долине реки Заравшан, которая вошла в состав Российской империи. Бухара оказалась в руках русских. Когда запирали каналы, проведенные из Заравшана, город лишился воды.

Правление эмира Музаффера длилось 26 лет. Современники отмечали, что во время эпидемии холеры, которая вспыхнула в Бухаре и ее окрестностях, когда пустели целые кишлаки, Музаффар находился в Карши. Там он заболел и умер. Придворные вызвали его наследника Абдул-Ахада и привезли в Арк [Шубинский 1892: 6–7].

Вероятно, переснятым портретом покойного эмира Музаффера Н. Ордэ решил дополнить фотоколлекцию по Бухаре, которая поступила в музей в 1894 г.

Эмир Бухарский.

Эмир Бухарский Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодур-хан. Н. Ордэ. 1880-е годы.
Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-156

Портрет эмира Абдул-Ахада из коллекции Н. Ордэ «Эмир Бухары Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодур-хан» (колл. № 255-156) по окружающему интерьеру и костюму эмира полностью совпадает с аналогичным портретом из другой музейной коллекции, выполненным фотографами А. Ренцем и Ф. Шрадером в Петербурге (колл. № 1695-5).

Эмир Бухарский Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богодур-хан. А. Ренц и Ф. Шрадер.
После 1890-х годов. Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ.
Колл. № 1695-5

На этих снимках эмир изображен в парадной форме с царскими наградами на груди, орденой лентой через плечо и погонами (нашитыми на халат!). Обе фотографии выполнены на фоне дверного проема и открытых резных створок деревянных дверей. Судя по фрагментам рисунка ковра на полу и дверям, портреты были выполнены не в Петербурге, скорее всего, в Бухаре, несмотря на то что на фирменном паспорту А. Ренца и Ф. Шрадера указан адрес их фотоателье в Петербурге. Разница между снимками состоит в том, что у Н. Ордэ Абдул-Ахад сидит в кресле (на троне — ?), а у А. Ренца и Ф. Шрадера стоит около него. Обе фотографии без даты. В коллекцию А. Ренца и Ф. Шрадера вошел еще один парадный портрет эмира Абдул-Ахада со свитой и сыном, а также отдельно выполненные портреты главы государства и его наследника.

В уточнении времени создания фотоколлекции Н. Ордэ и в определении важных лиц, изображенных на снимках, может помочь портрет Н. Ордэ «Брат эмира бух. Мансур. Теперь паж» (Колл. № 255-155). Одновременно можно попытаться проверить достоверность комментариев собирателя к фотоматериалам.

Действительно, у эмира Абдул-Ахада был родной брат Сеид-Мир-Мансур, который жил в России и учился в Петербурге в Пажеском корпусе. По сведениям В.В. Крестовского, посетившего Бухару в 1882—1883 гг., Мансур в это время жил в Петербурге [Крестовский 1887: 101]. К 1892 г., времени приезда бухарской делегации в Петербург, Мансур после окончания Пажеского корпуса в 1886 г. уже служил в кавалерии и жил в Москве. В связи с приездом в Россию бухарской делегации во главе с эмиром в 1892—1893 гг. и возросшим в печати интересом к этому событию был опубликован его портрет. В бравом драгуне с густой черной бородой невозможно узнать юного принца со снимка Н. Ордэ [Московский листок. Иллюстративное прибавление. 1893. № 2]. Таким образом, фотографию из коллекции Н. Ордэ «Брат эмира бух. Мансур. Теперь паж» можно датировать периодом до 1886 г., а портрет покойного эмира Музафара — периодом между 1885 г., годом его смерти, и 1894 г., годом поступления коллекции в МАЭ. Получается, что Н. Ордэ посетил Бухару в конце 1885 (наследник Музафара взошел на престол 12 ноября) — первой половине 1886 г. (год окончания принцем Мансуром Пажеского корпуса).

В коллекции Н. Ордэ хранится фотография «Бухарские сановники» (колл. № 1403-107). На возвышении, покрытом орнаментированным ковром, расположились высшие чиновники государства. За их спинами на стене висит еще один ковер, а в центре стены находится проем с распахнутыми створками дверей. Интерьер помещения убеждает в том, что Н. Ордэ выполнял бухарскую серию снимков непосредственно на местах, в самой Бухаре.

Брат эмира бух. Теперь паж. Бухара. Ос. Нас. Зап. Туркестана Н. Ордэ. 1894 г.
МАЭ. Колл. № 255-155

Крупнейший специалист по Востоку М.С. Андреев, используя материалы З. Мухиддинова, А.А. Семенова и С. Айни, упоминал об этикете расположения бухарских сановников рядом с эмиром в зависимости от ранга: «Существуют “опоры эмиров”, кои в присутствии государя ислама имеют определенные места для сидения». Однако порядок рассаживания этих чинов он не указал. Далее востоковед продолжал, что,

Бухара. Сановники Эмира.

Бухара. Сановники эмира. Бухара. Н. Ордэ. Конец 1885 — начало 1886 г.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1403-107

когда все группы сановников после окончания приветствий удалялись, церемониймейстер отводил их на двор, «в парадной части которого был установлен трон эмира, и рассаживал их по рангам на выложенной кирпичом, но не покрытой коврами суфе» [Андреев, Чехович 1972: 36]¹. На снимке Н. Ордэ сановники сидят в отсутствие эмира и на ковре.

В настоящее время трудно предположить, кто именно изображен на фотографии Н. Ордэ «Бухарские сановники». В правой части снимка

¹ Н. Остроумов писал о помосте во дворе эмира, устроенном в 1669 г. во время приема русских послов в Бухаре, Бориса и Семена Пазухиных. На нем сидело более 100 человек высших бухарских сановников, а сам эмир сидел на четырехугольном возвышении с шестью ступенями, покрытыми золотой парчой. В 1721 г. во время приема русского посла в Бухаре Ф. Беневени хан сидел на подушках на престоле, на возвышении. К престолу с двух сторон вели ступени, и посол взшел на вторую ступень, на которой сидел кушбег. Приблизиться к хану ближе было нельзя [Бухарские и хивинские посольства 1907].

ниже остальных чиновников сидит бухарец в расшитом халате с погонями и в высокой меховой шапке. Под его изображением по негативу снимка рукой фотографа сделана подпись: «Военный министр». В историко-этнографической литературе (описаниях современников и монографиях более поздних лет) не сложилось четкого представления о разделении функций многих чинов и должностей эмирата. По одним сведениям (например, сообщениям дипломата конца XIX в. Н.П. Стремоухова), в Бухарском ханстве часто одно лицо соединяло и военные, и гражданские обязанности [Стремоухов 1875: 685]. Известные же исследователи А.А. Семенов, Н.А. Кисляков утверждали, что военные и гражданские чины различались [Кисляков 1962: 36–37].

Чтобы приблизиться к разрешению загадки, обратимся к другой фотографии из коллекции Н. Ордэ «Ислам-бамбек куш-беги. Министр Бухары» (колл. № 255-185), который изображен в одежде, похожей на военную. Возможно, он же присутствует и на фотографии «Бухарские сановники» и выделен фотографом как военный министр. Костюм этого бухарца в военной форме на портрете скорее похож по описанию на костюм начальника артиллерии бухарской армии, тупчибаши, который встречал в 1882–1883 гг. русское посольство.

Его описание имеется у В.В. Крестовского: «Это был худощавый мужчина лет 50-ти, с лицом персидского типа, в бобровой шапке и фиолетовом бархатном сюртуке мундирного персидского покроя. Рукава, грудь и полы были украшены серебряным шитьем, изображавшим длинные листья лилии. Вдоль груди шли два ряда по шесть гладких медных пуговиц. На плечах — серебряные витые эполеты со штаб-офицерскими кистями. На поясной серебряной портупее висела богатая кривая сабля в золотых ножнах, украшенных бирюзой и сердоликами» [Крестовский 1887: 110].

Крупнейший знаток бухарского административного управления А.А. Семенов отмечал, что существовало два тупчибаши. Один был начальником гарнизона Бухары и являлся как бы военным министром. Ему подчинялись начальники всех военных частей. Другой тупчибаши являлся комендантом Арка, «начальником артиллерии ворот высочайшей цитадели». В случае необходимости он замещал кушбеги в отсутствии эмира [Семенов 1954: 59]. Возможно, поэтому Н. Ордэ назвал портрет тупчибаши «кушбеги», имея в виду его как заместителя кушбеги. Среди наиболее влиятельных лиц при бухарском дворе в начале 1890-х годов П. Шубинский называл после кушбеги начальника артиллерии бухарской армии, тупчибаши, Мулла Махмуда и начальника гарнизона резиденции эмира во дворце Шир-Будун Хал-Мурад-Бека [Шубинский 1892: 25].

Ислам-бам бек кушбеги — министр Бухары. Н. Ордэ. 1894 г. МАЭ. Колл. № 255-185

Обратимся вновь к фотографии «Бухарские сановники». Если предположение о том, что часть коллекции Н. Ордэ со снимками бухарских чиновников выполнена (как изображение «Брат эмира бух. Мансур. Теперь паж») не позже 1886 г., верно, то в период до 1889 г. «верхним кушбеги» был Мулла Мухаммед-бий (Мулло Мухаммади). Его портрет имеется в книге В.В. Крестовского и относится к 1882–1883 гг. [Крестовский 1887]. В 1892 г. П. Шубинский упоминал 72-летнего Муллу Мухаммед-бия [Шубинский 1892: 6]. Можно предположить, что на снимке Н. Ордэ «Бухарские сановники» сидящий на возвышении старец с седой бородой и есть Мулла Мухаммед-бий.

Его биография служит иллюстрацией известного в истории Бухарского ханства факта о том, что персидские невольники, которых продавали в рабство туркмены, впоследствии занимали важные должности при бухарском дворе [Там же]. С первой половины XIX в. бухарские

эмиры стали привлекать к управлению страной, ставить на высшую административную должность кушбеги иранцев-шиитов: «По традиционным соображениям повелитель Бухары на должность, где более полезна покорность и преданность престолу, назначает <...> узбека, на ответственные места, где нужен большой политический такт и осторожность, в большинстве случаев назначаются <...> таджики или их сородичи из Ирана» [Семенов 1902: 973].

При эмире Насрулле был куплен раб-перс по имени Мухамеди [Стремоухов 1875: 660]. Затем он стал чиновником и возвысился. При Музаффаре он стал уже Мухамеди-бием кушбеги. Когда в 1874 г. Бухару посетил русский дипломат Н.П. Стремоухов, сын Мухамеди-бия, Мухаммед-Шариф, являлся нижним кушбеги [Семенов 1954: 66]. Как писал Н.П. Стремоухов, отец и сын возвысились, «женившись на оставших женах эмира» [Стремоухов 1875: 662]. Ахмад Дониш, таджикский просветитель XIX в., наблюдавший придворную жизнь в Бухаре, отзывался о Мулле Мухаммед-бие так: «хороший человек, но неграмотный» [Дониш 1967: 42, 61, 62, 85].

В коллекции Н. Ордэ хранится портрет одного из бухарских чиновников высшего ранга. Он запечатлен сидящим в кресле с орденом на левой стороне груди. Портрет называется «Бухара. Кушбеги. Первый министр» (колл. № 255-158). При сравнении этой фотографии со снимком «Бухарские сановники» становится очевидным, что на них запечатлен один и тот же бухарец.

На основании анализа опубликованных исследований, отдельных упоминаний, разрозненных сведений о жизни бухарского двора² можно попытаться сделать ряд предположений по поводу определения личности человека, изображенного на портрете «Бухара. Кушбеги. Первый министр».

После смерти кушбеги Муллы Мухаммед-бия в 1889 г. на должность кушбеги был назначен Ша (Джан, Джон) Мирзо (Мирза). А. Дониш писал, что «эмир Абдул-Ахад передал визирство всей Бухары в руки невежественного Шах Мирзы, инака своего» [Дониш 1967: 113]. При эмире Музаффаре Ша Мирзо сначала был у него слугой, потом при Абдул-Ахаде был назначен казначеем, затем беком в Хатырчи, а позже — беком в Шахрисябз [Шубинский 1892: 24].

² Н.А. Кисляков, Н.П. Стремоухов, А.А. Семенов, П. Шубинский, В.В. Крестовский, В.В. Бартольд, В.И. Липский, А. Борнс, В.И. Массальский, Д.Н. Логофет, А. Дониш, С. Айни, Б.И. Искандаров, Л.И. Ремпель, Л. Маджи, М.С. Андреев, О.Д. Чехович, М.Э. Никольский, Н. Фридрикс, В. Духовская, Н.И. Веселовский, Т.Г. Тухтаматов, В. Обручев и др.

Бухара. Первый министр.

Бухара. Кушбег. Первый министр. Н.Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население
Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-158

В 1892 г. Ша Мирзо было лет 40. Он возглавлял бухарское посольство, посланное в Петербург для передачи благодарности эмира за проведение через его владения железной дороги, в ответ на что царь подарил посланнику богатую шашку и наградил орденом св. Станислава. В Бухаре Ша Мирзо вместе с семьей и слугами постоянно жил в Арке в отдельном доме. Ша Мирзо исполнял обязанности кушбеги до своей смерти в 1905 г. [Тухтаметов 1977: 31].

Известно описание Ша Мирзо: он был «красивой наружности типичного персиянина, чрезвычайно словоохотливым» [Шубинский 1892: 24]. Но характеристика «красивая наружность» вряд ли подойдет к кушбеги на рассматриваемой фотографии.

В литературных источниках указывается, что в бухарском просторечии различали двух кушбеги. «*Куш-беги-йи-боло*» («*кулли-кушбеги*») называли «верхним кушбеги», т.к. он всегда жил в Арке, цитадели столицы, стоявшем на высоком холме [Андреев, Чехович 1972: 19]. В отличие от него «нижним кушбеги», который жил у подножия Арка, называли «*куш-беги-йи-пойон*» («*кушбеги-йи-калон*»). Но «нижнего» кушбеги обычно называли главным или верховным зякетчи, ведавшим налогом, девон-беги. Этот чин или звание был ниже, чем верхний или просто кушбеги и, по мнению многих авторов, «соответствовал европейскому министру финансов» [Семенов 1954: 54–57].

Пытаясь приравнять бухарские административные должности к европейским, приезжие иностранцы называли кушбеги («верхнего» кушбеги) первым лицом государства после эмира, первым министром. Некоторые исследователи называли кушбеги канцлером либо (как в Турции) великим визирем, комендантом Арка, губернатором города, хранителем личной печати и казны эмира. Кушбеги ежедневно представлял доклады эмиру в письменной или устной форме. По мнению А.А. Семенова, бухарскому управлению не было свойственно распределение функций государственного аппарата по отдельным ведомствам или министерствам, и чины не были связаны с определенными должностями [Семенов 1954: 64]. Отсюда такое разнообразие государственных дел, возложенных на кушбеги.

При описании центрального административного управления Бухарского ханства А.А. Семенов указал на факт существования в стране нескольких кушбеги и главного среди них — «кушбег-йи-калон» [Семенов 1954: 54]. Однако в других своих работах он подчеркивал все же, что «в Бухаре было два кушбеги. Один живет в самой столице ханства, ему подчинены провинции западной Бухары, другой живет в Хисаре и начальствует над областями восточной Бухары» [Семенов 1902: 974; 1900: 3]. Можно было бы предположить, что на портрете «Бухара. Кушбеги.

Первый министр» и в центре группового снимка «Бухарские сановники» Н. Ордэ сфотографировал известного и могущественного эмирского родственника гиссарского бека и кушбеги Астанкула (Остан-куль, Астан-кул, Останакул) [Семенов 1954: 54; Административное устройство Гиссарского бекства 1908].

Литературные источники сообщают, что рядом с эмиром Абдул-Ахадом находился его дядя, брат эмира Музаффара Астанкул, которого называли не иначе, как кушбеги, но кушбеги гиссарским. Он был беком гиссарским и обладал неограниченной властью в бекстве. После смерти Музаффара Астанкул возглавлял бухарскую делегацию в Петербург и в числе прочих бухарских сановников был награжден российским орденом. В описаниях авторов имя гиссарского кушбеги Астанкула часто упоминается среди имен лиц непосредственного окружения эмиров Музаффара и Абдул-Ахада.

По определению современников, бек гиссарский (хисарский) кушбеги Астанкул был одной из выдающихся личностей среди бухарских сановников. На страницах российских изданий сообщали, что Астанкул родился в 1829 г. у эмира Насруллы от персиянки, которую затем выдали замуж за одного из придворных. В детстве Астанкула забрали у матери и воспитывали вместе с будущим эмиром Музаффаром. Оба мальчика вместе играли и учились. Говорили даже, что эмир Насрулла колебался, кому из сыновей отдать престол. После вступления в 1860 г. на престол Музаффара братьев продолжала связывать тесная дружба. Астанкул также начал свою административную карьеру. Сначала его назначили *амлякдаром* (уездным начальником), через три года — беком. Астанкулу был пожалован чин *токсаба*, а затем в короткое время он получил и более высокое положение по службе [Астанакул-бек 1906].

Парваначи (парвоначи) был одним из высших чинов Бухары. А.А. Семенов определял функции сановника в чине парваначи «выдавателем» писаного эмирского указа [Семенов 1954: 60]. В 1882—1883 гг. В.В. Крестовский приравнивал его полному генералу: «В этот чин могли быть повышаемы только родовитые узбеки, предки коих ознаменовали себя постоянною службою» [Крестовский 1887: 108] — и называл термином парваначи родственника эмира Астанкула (Останакула): «Благородный и дородный мужчина хорошего среднего роста лет за 50 <...> человек этот не только умен, но и знает себе цену» [Там же: 140].

В 1887 г. «Астанакул-бек-бий-кулли кушбеги получил чин аталыка, т.е. полного генерала» [Хамраев 1959: 30]. А.А. Семенов отмечал: «Чин аталыка давался редко (при последних двух эмирах его никто не имел, кроме гиссарского кушбеги Астанакула) и притом лицу особо по-

четному, пожилому и уважаемому, в знак особого уважения и расположения» [Семенов 1954: 59].

При восшествии на престол эмира Абдул-Ахада Астанкул сыграл важную и значительную роль, поддерживая своего племянника. В 1883 г. он присутствовал в качестве представителя Бухары в Москве на коронации Александра III [Дониш 1967: 111]. Тогда же вместе с ним приезжал молодой принц — наследник, будущий эмир Абдул-Ахад. Ранее Астанкул неоднократно приезжал в качестве бухарского посланника к представителям русской администрации в Ташкент и Самарканд [Астанакулбек 1906].

Астанкул бывал в Петербурге и был знаком со многими из российских высших чинов [Липский 1907]. В 1885 г. он был назначен беком Гиссара с титулом кушбеги — самым высшим чином и считался первым из вельмож Бухарского ханства [Административное устройство Гиссарского бекства 1908]. В его распоряжении имелся многочисленный штат чиновников (см.: [Туркестанские ведомости. 1906. № 112, 114; Хамраев 1959]). Таким образом, гиссарский кушбеги Астанкул принадлежал не только к знатнейшим, но и богатейшим людям во всей Бухаре. В Бухаре кроме эмира даже юридическим правом казни владел лишь гиссарский кушбеги Астанкул.

По воспоминаниям полковника Л.С. Борщевского его встреча с гиссарским беком Астанкулом происходила, когда тому было 77 лет. (Умер гиссарский кушбеги в 1906 г.) Старцем называл гиссарского Астанкула в 1894 г. и Б.Н. Литвинов. Сохранились его описания внешности Астанкула, «благообразного старца, бодрого, с умными глазами, с негустой бородой»: «На нем был шелковый стальной халат, дивной белизны чалма. На левой стороне груди сиял великолепный бриллиантовый вензель. Он хорошо понимал по-русски, и только этикет не позволял говорить не по-персидски» [Литвинов 1904: 328; Туркестанские ведомости. 1907. № 183]. Российские же представители поначалу, обращаясь к Астанкулу, называли его просто беком, полагая, что это не играет роли.

В 1898 г. гиссарский кушбеги принимал А.А. Семенова: «На тронобразном кресле сидел сам кушбеги, благообразный старец в роскошном светло-сером шелковом халате, усеянном крупными синими цветами. На левой стороне груди у него был приколот какой-то туземный орден в форме золотой броши с драгоценными камнями. Индийская кисея на его тюрбане была усеяна едва заметными золотыми мушками» [Семенов 1900: 21]. Описание внешности Астанкула как «благообразного старца» не подходит для характеристики персонажей портрета Н. Орде «Бухара. Кушбеги. Первый министр». Исходя из приведенных

словестных портретов бухарских сановников периода конца 1885 — начала 1886 г. для определения запечатленного на снимке Н. Ордэ «Бухара. Кушбеги. Первый министр» более всего подходит описание В.В. Крестовского внешности гиссарского кушбеги Астанакула.

Можно высказать еще одно предположение по поводу снимка Н. Ордэ. Фотограф не придавал значения существованию в Бухаре двух кушбеги: «верхнего» и «нижнего» — и назвал чиновника на снимке просто «кушбеги». Если придерживаться той датировки, что исполнение рассматриваемых фотографий относится к концу 1885 — началу 1886 г., то в этот период должность «нижнего» кушбеги, главного зякетчи, можно сказать казначея, занимал Мухаммед-Шариф, сын «верхнего» кушбеги Муллы Мухаммед-би, того, которого в 1874 г. упоминал Н.П. Стремоухов [Семенов 1954: 66]

Обратимся к другим фотодокументам. На обороте коллекционной фотографии В. Ясвина «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» (Колл. № 1695-3) аккуратной скорописью указана дата: январь 1893 г.

Здесь же поименно перечислены восемь человек из одиннадцати изображенных на фотографии: «Эмир, его сановники, представители мусульманского духовенства, бухарского купечества. 1893. Январь. Бухарский эмир Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богадур-хан. Род. 1857, вошел на бухарский престол 1885, 12 ноября. Сын его Мир-Сеид-Алим-Джан-Тюря 12 лет. Сановники его: 1) первый министр Дурбын-кушбеги; 2) заведующий таможенными сборами Астанакул-парвоначи-зекет; 3) Таранкул-парваначи; 4) исп. обязанности церемониймейстера Азрет-Кул-Токсооба-Удачи; 5) глав. секрет. эмира Мирза-Ахмет-Мушриер; 6) представ. мусульм. духовенства Бухары Мулла Абдул-Феиз-Хадуса-Урак-Магомет-Юнус-Мирахур; 7) предст. бухарского купечества Абдраур-караван; 8) воспитатель принца Осман-Бек-караул-Беги». В списке после эмира и его сына указан «первый министр Дурбын-кушбеги».

В 1875 г. Н.П. Стремоухов упоминал имя Дурбин-бия как младшего советника и младшего казначея эмира. В 1882—1883 гг. В.В. Крестовский писал о Дурбин-инаке, что он был главным казначеем эмира и имел влияние на финансовые дела ханства. В последние годы правления эмира Музаффара Дурбин-инак был в качестве шигаула (вроде обер-церемониймейстера, придворного, в обязанности которого входило принимать послов и иностранных представителей) и считался одним из самых приближенных к эмиру лиц. «Самый близкий к его особе человек» — как называл Дурбин-инака В.В. Крестовский — был по происхождению иранцем. В то время ему было за 50 лет, он производил впечатление человека бодрого, среднего роста, несколько худощавого, с иранским типом лица [Крестовский 1887: 133, 162—164, 170]. Бухар-

ского сановника, ближайшего советника эмира Музафара Дурбин-бия упоминал и Г.А. Арендаренко [Бухара и Афганистан 1974]. А. Дониш тоже упоминал кушбеги времен эмира Абдул-Ахада Дурбин-бия, называя его гулямом, любимцем эмира Музафара [Дониш 1967: 113]. В 1892 г. в связи с приездом бухарской делегации П. Шубинский называл Дурбин-бия советником эмира.

Если вернуться к портрету Н. Ордэ конца 1885 — начала 1886 г. «Бухара. Кушбеги. Первый министр» и предположить, что на снимке изображен Дурбин-бий кушбеги, то он должен был бы присутствовать также на фотографии В. Ясвоина «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» 1893 г. Но на этом снимке его нет.

В 1954 г. выдающийся востоковед А.А. Семенов с сожалением отмечал, что «ни русские, ни иностранные исследователи Бухары в свое время не отнеслись с должным вниманием к изучению административной машины этой страны, и она остается невыясненной не только в литературе, но и в обширных архивных материалах, касающихся сношений России с Бухарой за последние 50 лет (1867—1917)» [Семенов 1954: 18].

Продолжая изучение портретов представителей высшего бухарского чиновничества по коллекции Н. Ордэ, обратимся к портрету молодого бухарца, который стоит, опираясь рукой о спинку кресла. Она имеет название «Парваначи» (колл. № 255-162). В левом нижнем углу фотографии мы обнаружили фрагмент еще одной надписи, сделанной Н. Ордэ на стекле негатива: «Братовья эмира». Начало этого текста находится на другой фотографии также молодого сановника, сидящего в кресле. Она названа фотографом «Министр финансов» (колл. № 255-161). При совмещении этих двух фотографий, которые были наклеены на одно паспарту (на одном из снимков указан их общий коллекционный шифр МАЭ «255-161-162»), читается текст Н. Ордэ целиком: «Бухара. Братовья эмира».

На обороте упоминавшегося выше снимка В. Ясвоина 1893 г. «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» (колл. № 1695-3) второй в списке лиц свиты эмира стоит как «зав. таможен. сборами Астанакул-парваначи-зякет». Согласно достоверным источникам, с конца 1880-х годов обязанности главного зякетчи (министра финансов) исполнял парваначи Астанакул [Шубинский 1892: 24; Тухтаматов 1977: 31; Семенов 1954: 66].

Дед и отец этого Астанакула служили эмирам. Его могли считать в какой-то мере родственником, даже братом эмира, т.к. его дед и отец были женаты на бывших эмирских женах. Дед Астанакула Мулла Мухаммед-бий при эмире Музаффаре, как уже отмечалось, был кушбеги. Отец Астанакула, Мухаммед-Шариф, был главным зякетчи. Самого

Министр финансов. Бухара. Братовья Эмира. Н.Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-161

Бухара. "Парваначи"

Парваначи. Братовья Эмира. Н. Ордэ. 1880-е годы. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-162

Астанакула называли умным, хитрым и властолюбивым. Эти его качества проявились после смерти кушбеги Ша Мирзо, после 1905 г., когда в руках Астанакула сосредоточилась вся власть в стране [Бухарская смута 1910: 82]. Он имел огромное влияние на эмира. А.А. Семенов отмечал, что продолжительное время имя Астанакула (Астана-кул, Остона-кули) — «раб высочайшего порога» — как бы указывало на его происхождение из эмирских рабов, и предостерегал, что не следует его «смешивать с гиссарским кушбеги, тоже Астана-кулом» [Семенов 1954: 66].

О часто встречающихся одних и тех же мужских именах среди населения Средней Азии Н.С. Лыкошин писал: «Всегда нужно знать точно, к кому они относятся. Но это знать трудно, т.к. у них нет фамилий, а только отчества, которые сравнительно редко произносятся наряду с именем самого человека. При таких условиях очень трудно разобраться в массе одинаковых имен и решить, о ком идет речь» [Лыкошин 1915: 78]. Во время пребывания бухарской делегации в 1893 г. в Петербурге журналисты, действительно, перепутали двух Астанакулов.

Газета «Новое время» напечатала фотографию под названием «Первый министр Бухары» со следующим комментарием: «Астанакул-кушбеги самый приближенный к эмиру сановник, бывший председатель ханского совета. Пользуется большим влиянием на народ и духовенство, сторонник русского влияния в Бухаре. В 1886 г. был в Петербурге во главе чрезвычайного бухарского посольства. По исполнению возложенной на него эмиром <...> был назначен беком (наместником эмира) в Гиссаре, впоследствии возведен в высшее звание кушбеги (первого министра). Ныне он сопровождает эмира в Петербург» [Новое время. 1893. №].

В приведенном отрывке называется дата приезда бухарского посольства во главе с дядей эмира Астанкулом, правителем Гиссара, гиссарским кушбеги, и приведена его биография. В заметке перепутаны должности кушбеги, или первого министра Бухары, как называли эту должность европейцы, т.е. «верхнего кушбеги», которого действительно приравнивали к премьер-министру, и кушбеги гиссарского. Освещая в 1892 г. в прессе приезд эмира, П. Шубинский упоминал имя Астанакула, сопровождавшего в поездке по России эмира Абдул-Ахада, но называл его парваначи и главным зякетчи, добавляя: «молодой перс». В состав свиты эмира 1893 г. входил, таким образом, «нижний» кушбеги, молодой главный зякетчи Астанакул, а газета опубликовала биографию гиссарского кушбеги.

Сравним фотографию сановника, который стоит третьим слева в первом ряду на снимке 1893 г. «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой»,

с портретом Н. Ордэ «Министр финансов». Их сходство очевидно не только в чертах лица, но и в полном совпадении рисунка ткани на чалме и в деталях манеры ее повязывания. Если предположить, что на снимке Н. Ордэ «Министр финансов» Астанакул зякетчи, то в свите эмира в непосредственной близости к Абдул-Ахад у рядом с сидящим принцем мог стоять он же. Московские газеты в конце 1892 — начале 1893 г., перечисляя свиту эмира, которая сопровождала его во время приезда в Россию, также называли Астанакула главным зякетчи, вторым лицом ханства после кушбеги [Московский листок. 1892. 27—28 декабря].

Кроме заметки о «Первом министре Бухары» в газете «Новое время» был опубликован и портрет этого участника свиты эмира. При сравнении фотографии В. Ясвоина «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» 1893 г. со снимком «Первый министр Бухары», напечатанном на страницах «Нового времени» получается, что на газетный снимок немного может быть похож только сановник, стоящий крайним слева (т.е. далеко от эмира), в скромном халате в поперечную «елочку». Логичнее предположить, что Астанакулом, главным зякетчи, является сановник с портрета Н. Ордэ «Министр финансов», который присутствует также на снимке 1893 г. в составе свиты эмира Абдул-Ахада.

Аннотация к фотографии Н. Ордэ «Бухара. Брат эмира. Министр финансов» также не содержит точной информации (колл. № 255-159). При сравнении этого снимка со следующими: «Бек чарджуйский со свитой» (колл. № 255-197) и «Сын эмира Бухары» (колл. № 255-160) возникло предположение, что на них изображен один и тот же бухарец. Снимок «Бек чарджуйский со свитой» ретуширован. Портрет бека чарджуйского встречается в литературе, изданной до 1917 г., в виде литографии [Дмитриев-Кавказский 1898].

По сообщениям П. Шубинского, до конца 1870-х годов беком чарджуйским был сын эмира Музаффара Сеид-Нур-Эддин. После его смерти эмир назначил беком другого сына, Сеид-Садыка. Эмир Абдул-Ахад отозвал его в Бухару [Шубинский 1892: 5]. А.А. Семенов называл чарджуйским правителем Мир-Хайдар-кула [Семенов 1954: 22]. Это же имя приводится и в книге В.Д. Соколова: «Он отлично понимает и только из скромности не говорит по-русски и поддерживает самые дружеские отношения со многими из русских» [Соколов 1894: 43].

Фотоматериалы иллюстративных коллекций связаны с именами конкретных исторических личностей и имеют отношение к истории русско-бухарских отношений, пребыванию бухарской делегации в России в 1892—1893 гг. Это нашло отражение в бухарских снимках коллекции Н. Ордэ и фотографии 1893 г. В. Ясвоина «Эмир Абдул-Ахад хан с сыном и свитой».

Бухара. Брат Эмира. Министр финансов. Н. Ордэ. 1880-е годы.
МАЭ. Колл. № 255-159

Бек чарджуйский со свитой. Бухара. Н. Ордэ. Конец 1885 — начало 1886 г. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 255-197

Как упоминалось выше, на обороте снимка поименно перечислены восемь человек свиты из одиннадцати изображенных на фотографии. Кроме «зав. таможен. сборами Астанакул-парваначи-зекет» названы «первый министр Дурбын-кушбеги» и «Таранкул-парваначи».

Изучение музейной фотографии 1893 г. эмира со свитой, сопоставление ее с более ранними снимками коллекции Н. Ордэ, попытка определить состав бухарской делегации, процедуру ее приема в Петербурге вызвали необходимость обращения к дополнительным литературным, архивным источникам и периодическим изданиям того времени. Комплексное привлечение этих материалов, «живое» прослеживание почти каждого дня пребывания эмира в Москве и Петербурге выявило некоторые детали истории русско-бухарских отношений начала 1890-х годов, политики контроля царской администрации за действиями Абдул-Ахад-хана и его министров. Знакомство с новыми источниками позволило обратиться к некоторым эпизодам исторического характера.

Приезд в Россию бухарского посольства 1893 г. явилось продолжением истории отношений между Россией и Бухарским ханством в изме-

Бухара. Сын Эмира.

Сын эмира Бухары. Н. Ордэ. Конец 1885— начало 1886 г. МАЭ. Колл. № 255-160

нившихся политических условиях. После начала русскими военных действий по завоеванию края в 1860-е годы натянутые отношения Бухары с Россией обострились. После учреждения Туркестанского генерал-губернаторства начался иной период взаимоотношений Бухары с Россией.

Для сравнения приема в 1892—1893 гг. главы эмирата в России с практикой приема посланцев в прежнее время необходимо обратиться к краткой истории отношений между двумя странами и принятыми правилами обращения с бухарскими гостями. Считается, что официальный обмен посольствами между Бухарой и Россией установился в царствование Федора Иоанновича, в 1589 г. В XVII и первой половине XVIII в. между русскими правителями и бухарскими ханами существовали обмены посольствами. Кроме особых гонцов, нарочных, приезжали послы с многочисленной свитой и обыкновенно подолгу жили в России, иногда даже годы. Поэтому русское правительство вынуждено было принимать разные меры к ограничению столь частого приезда послов, но посольства продолжали приезжать [Остроумов 1907. № 96].

В XVII в. содержание бухарским послам отпускалось натурой. На продовольствие в дороге от Астрахани до Москвы выделялось по восемь копеек в день. Кроме этого по три чарки вина и три кружки меда. Свите и конвою также полагалось содержание. По прибытии в Москву послу отпускали «барана с шерстью», говяжью ногу, три курицы, хлеба, калачи, три кружки вина и пять ведер меда на определенное время. Для отопления помещения, в котором располагалось посольство, отпускалось по два воза дров в неделю. Размеры выдачи на содержание посольств нередко служили предметом серьезных переговоров послов с русскими властями [Остроумов 1907. № 89].

Аргамакам, которых во все времена бухарцы привозили в подарок, выделялись сено, овес и солома до тех пор, пока их не передавали в царскую конюшню [Остроумов 1907. № 89]. Среди разного вида ханских подарков Н. Остроумов называл в числе даров Петру Первому, например, обезьян и барсов, но они не перенесли дороги, и в Петербург доставили лишь их чучела [Там же. № 96]. Н. Остроумов отмечал, что по прибытии в Москву особой встречи посольству не устраивали. Когда гости уже находились на посольском дворе, к ним приходил русский пристав [Там же. № 89]. Представление царю происходило по определенному церемониалу. За послом присылали пристава и лошадь с санями из царской конюшни. Государь ожидал посла в золотой палате в царском одеянии, диадеме, со скипетром и державой. Возле него стояли стольники в белых костюмах, бояре, дворяне и дьяки в золотых и черных шапках. Сначала посол проходил в посольскую палату, где дожидался, пока дум-

ный дьяк доложит о его прибытии. Во время аудиенции посол передавал через дьяка царю грамоту от хана и устно «приказ». После этого думный дьяк представлял царю «поминки», подарки от хана. Здесь же послу объявляли о жаловании ему и количестве выделяемых продуктов на все посольство [Остроумов 1907. № 89].

Прощальный прием гостей проходил в той же золотой палате в прежнем порядке. Посол благодарил, и посольский дьяк вручал ему ответную грамоту хану. Согласно обычаю отвечать на «поминки» посольств, царь отправлял с послом подарки хану, послу, его свите и конвою. При царе Федоре Алексеевиче обмен посольствами между Россией и Бухарой был прекращен и возобновился с 1705 г., при Петре Первом [Остроумов 1907. № 89].

В XVIII в. под влиянием европейских обычаев изменился внешний характер приема бухарских послов по сравнению с «московским периодом» истории российского государства. Вместо саней за послами отправляли кареты, запряженные шестериком, а впереди ехали драгуны [Остроумов 1907. № 96]. В новой столице, Петербурге, послам устраивали торжественный въезд. Сначала посла принимал вице-канцлер, а затем было представление государю. Переводчик приезжал к дому посольства, передавал приглашение на аудиенцию, и посольство отправлялось в поданных каретах с соблюдением церемониала. Во дворце посол ожидал приглашения на аудиенцию, входил в зал вместе с переводчиком и купцами, положив ханскую грамоту на чалму. После приема посол передавал присланные ханом подарки. В некоторых случаях кроме подарков ханы передавали через своих посланников пожелания личного характера. Например, в 1642 г. в письме среди желаемых предметов в подарок хан просил прислать ему «девку черкаску добрую», а в 1761 г. бухарский посланник просил прислать хану девять шведок. В некоторых случаях в числе ханских подарков послы доставляли русских пленных [Остроумов 1907. № 89].

Если посольство оставалось на длительное время, то просило разрешения увозить с собой калмычек и татарок, на которых участники посольств женились в России. Н. Остроумов приводит пример, как в XVIII в. один из послов вследствие смутных обстоятельств в Персии прожил в России 19 лет, сначала в Самаре, потом в Астрахани. Несмотря на неоднократное требование его правительства выслать посла, русские власти отвечали, что сделать этого против его воли не могут. Однако к прибытию послов относились строго. Бывало, что посланник приезжал с грамотой без ханских печатей или приложенных не в тех местах. Однажды бухарцы нарушили важную формальность, не обозначив титул русского царя в грамоте от хана [Остроумов 1907. № 89].

В другой год посольство обнаружило неосведомленность относительно происходящих событий в России, о кончине одного самодержца и вступлении на престол следующего, при этом документы адресовались предыдущему главе государства. В таких случаях посла к царскому двору не пропускали или задерживали в Астрахани [Там же. № 92].

При отправке ответных русских послов их подробно осведомляли, как вести себя в чужой земле, что говорить, как отвечать, какое место за столом занимать и т.п. С ними же передавали хану грамоту и подарки. Бывали случаи неудачных посольств. Так, в 1613—1615 гг. один из русских послов в Персии по возвращении в Москву был наказан за то, что он, «неведомо кого послушав» и забыв о своих чинах, в пьяном виде, надев на себя два «кафтана азиатских», «был у шаха то ли посланником, то ли шутом» (см.: [Остроумов 1907. № 86, 89, 92, 96, 99, 100]).

По установившемуся обычаю дипломатических отношений между Бухарой и Россией, посланники приезжали по случаю кончины одного или вступления на престол другого государя, для обсуждения продления сроков торговли, свободного пропуска мусульман в Мекку и по другим вопросам. Все посольства сопровождалось привозом подарков.

К сожалению, далеко не обо всех посольствах сохранились подробные сведения. Н. Остроумов отмечал, что «из конца XVIII и первой половины XIX столетия у нас нет описаний русских посольств в Бухару и бухарских в Россию» [Остроумов 1907. № 100]. Из примеров XIX в. он привел описания трех русских посольств в Бухару, из бухарских упомянул лишь проезд в 1883 г. эмира Абдул-Ахада, когда он был еще наследником престола [Там же. № 86]. Для истории взаимодействия двух различных культур все посольства заслуживают подробного описания и изучения.

Визит эмира Абдул-Ахада с наследником престола и высокопоставленными чиновниками в конце 1892 — начале 1893 г. в Москву и Петербург занимает особое место в истории российско-бухарских отношений. В предыдущие годы, как следует из краткого экскурса в историю отношений, обмен делегациями приходил на уровне послов. В конце 1892 — начале 1893 г. был первый проезд бухарской делегации после большого перерыва в отношениях между государствами, прерванных по причине исторических обстоятельств, и впервые в России принимали главу Бухарского ханства. Поэтому проезд эмира бухарского в Россию получил довольно подробное освещение в российской печати. Ежедневные материалы, посвященные этому событию, столичные газеты публиковали под рубрикой «Приезд эмира бухарского».

До визита Абдул-Ахад-хана в Россию в 1893 г. образцом приема восточного государя при европейском дворе могли служить первые

приезды восточных монархов в Россию — в 1867 г. турецкого султана Абд-ул-Азизи, затем в 1873 г. персидского шаха Насср-Эддина [Всемирная иллюстрация. 1873. № 227]. Путешествие в Европу шах-ин-шах начал с соседней ему России и Москвы. Схема маршрута Абдул-Ахад-хана и оказывавшиеся ему почести напоминали следование по России персидского шаха. Внимание, которое в русской периодической печати уделялось приезду эмира бухарского, ненамного уступало освещению приезда шаха, оценивавшееся современниками как «политическое и историческое событие первостепенной важности». При этом нельзя забывать, что в 1870—1880-е годы русско-персидские отношения переплетались с англо-афганскими, возникали конфликты. Возможно, подчеркнутым вниманием к особе шаха царское правительство стремилось в какой-то степени нейтрализовать или смягчить политическую ситуацию.

Эмира бухарского принимали с почестями по придворному протоколу почти как главу иностранного восточного государства. Но ему часто давали понять, что над ним есть еще более могущественный государь, а Абдул-Ахад лишь его вассал.

В настоящее время достаточно трудно представить, как принимали эмира в России, в Петербурге, какие церемонии устраивались по случаю его приезда в декабре 1892 — январе 1893 г. Практически это единственный приезд высокого бухарского гостя, получивший подробное освещение в прессе. Последующие визиты бухарских эмиров в российские столицы журналисты столь пристально не отслеживали. Поэтому любопытно проследить одно из путешествий эмира бухарского глазами столичной печати, изучить литературные сведения, фотоматериал коллекций МАЭ. Эти источники могут сослужить нам особую службу — предоставить новые данные о коллекциях, переданных в МАЭ из Зимнего дворца в 1920-е годы. Предметы из этих коллекций в разные годы эмиры бухарские преподносили в качестве подарков царю и членам его семьи, например богато украшенное конское убранство и образцы кустарных бухарских шелковых, полушелковых и бархатных тканей (колл. 3687, 2916, 2917, 2918, 2920, 2935, 2936) (см.: [Рахимов 2006; Царева 2006]).

Материал российской периодической печати о приезде в Москву и Петербург бухарской делегации может оказаться интересным и полезным также при изучении Бухары второй половины XIX и начала XX в. М.С. Андреев писал в монографии «Арк Бухары»: говорить о внутренней «стороне жизни эмира, запрещенной для посещения посторонними в зоне Арка, бухарцы бы не смогли, а русские ее не знали...» [Андреев, Чехович 1972: 11—12]. Современная пресса конца XIX в. позволила в какой-то мере приоткрыть завесу тайны.

Кроме результатов политического характера приезд бухарской делегации, церемония приема и размещения эмира и его свиты в Петербурге в 1893 г. послужили образцом для разработки канцелярией царского двора постоянного протокола последующих приемов бухарских эмиров и хивинских ханов.

Сведения, которые публиковала столичная пресса о приеме бухарской делегации, не всегда были точными. Особенно это касалось написания имен собственных и названий чинов и должностей, видимо, малознакомых русским журналистам, писателям и даже сотрудникам министерств. Так, при характеристике состава свиты эмира петербургские газеты сообщали, что в столицу прибыли «министр Дурбан-кушбеги, военные: Астанакул перваначи и Турабнул перваначи и офицеры» [Новое время. 1893. 2 января]. По всей видимости, буквальный перевод бухарского чина парваначи как военного звания сбило с толку журналистов, и они причислили Астанакула к военным. Получалось, эмира сопровождали один министр, два высших военных чина и несколько офицеров.

П. Шубинский писал в 1893 г., что эмира сопровождает «большая свита должностных лиц разных категорий, выдающимися представителями которой являются бухарский кушбеги (некто вроде первого министра), дурбин, уже бывший в Петербурге во главе посольства в 1881 г., и заведующий казной эмира Астанакул-парваначи. Оба они — персияне по происхождению — есть ближайшие помощники эмира» [Всемирная иллюстрация. 1893. № 53]. При сравнении лишь двух столичных публикаций — в газете «Новое время» и П. Шубинского (в рассматриваемый период сообщений в периодике было множество) — очевидны несоответствия. «Дурбин» написано с маленькой буквы, не как имя собственное, год посещения Петербурга кушбеги указан в первом случае 1881, во втором — 1888 г. Совпадают сообщения печати о втором лице эмирата в составе делегации, кушбеги, но разнятся указания его имени: в одном случае «Дурбын-кушбеги», в другом — «почтенный Ша-Мирзо». По характеристике Н. Веселовского, известный журналист П. Шубинский не имел специальной востоковедческой подготовки и не был знаком с историей Бухары и Средней Азии [Веселовский 1893: 159]. И все же публикации и корреспонденции П. Шубинского в наши дни являются редким свидетельством очевидца о первом визите эмира Абдул-Ахада в Россию.

Кроме коллективного снимка «Эмир Абдул-Ахад с сыном и свитой» из собрания МАЭ В. Ясвоин выполнил индивидуальный парадный портрет «Эмир бухарский Абдул-Ахад-хан» (колл. № 1695-2). Сеид-Мирза-Абдул-Ахад (Абдул-Ахад)-Богодур-хан (1885–1910) сфотогра-

фирован с орденами, звездами и орденской лентой через плечо, в темном бархатном халате. При сопоставлении этой фотографии с другими снимками Абдул-Ахада из коллекции музея удалось установить, что портрет был сделан во время пребывания эмира в Петербурге в январе 1893 г.

Русские посланники в Бухаре познакомились с Абдул-Ахадом еще в 1874 г., когда он был подростком. Им понравился любимый сын эмира Музаффара, умный, развитой и бойкий мальчик. Посадив гостей на стулья, что не было принято в Бухаре (даже эмир принимал всех по-восточному, чаще всего все сидели на полу, на коврах) принц расспрашивал их о России [Стремоухов 1875: 694]. Позже, когда стали выпускать первую в крае газету «Туркестанские ведомости», приложение к которой с 1870 г. выходило на узбекском и казахском языках, редакция в числе своих первых подписчиков называла Мир-Абдул-Ахад-ханатюря-джана (титул «тюря-джан» носил наследник престола).

Абдул-Ахад-хан не сразу стал «тюря-джаном». Порядок престолонаследия в Бухарском ханстве не был определен законами, хотя чаще всего наследником становился старший из сыновей, а Абдул-Ахад им не был. После того как выбор эмира Музаффара пал на Абдул-Ахада, сына эмира отправили в 1883 г. в Петербург для представления в звании наследника и он присутствовал на коронации Александра III [Шубинский 1892: 5–6].

Абдул-Ахад вззошел на престол в возрасте 28 лет. Он родился в Кермине в 1857 г. Писали, что детство и первые годы юности он провел при дворе отца. Абдул-Ахад получил обычное для бухарского принца воспитание. Его обучили персидскому и арабскому языкам, образцам восточной литературы, познакомили с Кораном и шариатом. День Абдул-Ахада обычно начинался с восходом солнца. Подробно его распорядок и некоторые особенности частной жизни описал М.С. Андреев [Андреев, Чехович 1972].

При Абдул-Ахад-хане в ханстве появилось множество нововведений. Одним из них была железная дорога, которая в 1887 г. пересекла его государство. Эмир был зачислен в Терское казачье войско, имел чин генерала, звание генерал-адъютанта и титул «его высочество».

Из 27 лет своего правления Абдул-Ахад провел в Бухаре в общей сложности не более четырех лет. Одна из причин этого заключалась в конфликтах эмира с влиятельным духовенством Бухары. Когда эмир находился в столице, то редко занимал дворец в Регистане, Арк, проживая большей частью в одной из загородных резиденций [Андреев, Чехович 1972: 131]. За три года до смерти Абдул-Ахад построил новый загородный дворец, где и умер.

В МАЭ хранится портрет эмира Абдул-Ахада в белой большого размера чалме, расшитом халате, с двумя поясами, широким и узким (колл. № 1695-1). Он сфотографирован без наградных знаков, с саблей в руке. Происхождение, авторство и время создания этого снимка не указаны. Внизу под фотографией находится текст, написанный арабской вязью. На обороте снимка карандашом от руки с сохранением старой русской орфографии со знаком «ъ» написано: «Эмиръ славной Бухары Сеид Эмир Абдул Ахад в месяц Реджоб года 1310». Эта дата по хиджре соответствует январю 1893 г. европейского летоисчисления. Поэтому можно предположить, что портрет был выполнен в 1893 г. во время первого после рождественского поста бала в Зимнем дворце, который состоялся 19 января.

Эмир славной Бухары Сеид эмир Абдул-Ахад в месяце Реджебе года 1310. 1893 г.
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-1

Одновременно с парадным портретом эмира Абдул-Ахада в Петербурге В. Ясвоин сделал фотографию 12-летнего наследника престола Алима (колл. № 1695-4). Мир-Сеид-Алим-хан (правил с 1910 по 1920 гг.) был последним эмиром Бухары. Он воспитывался в России. Как и его отец, Алим-хан не любил долгое время жить в Бухаре и в основном находился в загородном дворце. Он тоже часто приезжал в Россию. Для него в Петербурге недалеко от Петропавловской крепости была построена большая мечеть, а на Каменноостровском проспекте дом, в котором Алим-хан останавливался, известен как «дом эмира бухарского». При последнем эмире Среднеазиатская железная дорога связала Бухару с центральными районами России. Тогда же в Бухаре появились телефон, хлопкоочистительные заводы, гостиницы и пр.

Принц Алим. В. Ясвоин. Санкт-Петербург. Январь 1893 г. Бухара. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. № 1695-4

В иллюстративных коллекциях МАЭ хранится еще один портрет последнего правителя Бухарского эмирата (колл. И-922-1). Эта фотография переснята из газеты. Под ней напечатан текст: «Новый бухарский эмир Сеид-Мир-хан, которому 26-го декабря Высочайше пожалован титул высочества». На снимке эмир изображен еще кадетом. Внизу подпись молодого эмира.

Алим хан изображен также на снимке «Эмир бухарский со свитой и русскими гостями» С.М. Прокудина-Горского (Колл. И-68-204)

Эмир бухарский со свитой и русскими гостями. С.М. Прокудин-Горский. Начало XX в. Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ. Колл. И-68-204

Однако вернемся к описанию поездки бухарского эмира в Петербург.

Дневник пребывания бухарской делегации в Москве и Петербурге в декабре 1892 — январе 1893 г. (по материалам периодической печати)

По сообщению «Нового времени», в ноябре 1892 г. эмир Абдул-Ахад вернулся в Бухару из своей резиденции в Кермине [Новое время. 1892. 30 ноября]. Он собирался посетить Россию еще год назад, но из-за эпидемии холеры поездка была отложена. Действительно, еще в начале декабря 1892 г. газеты сообщали о съезде врачей в Петербурге, которые вернулись из губерний, охваченных эпидемией. Заболевание холерой коснулось и Петербурга, особенно пострадал Васильевский остров

[Новое время. 1892. 9 декабря, 13 декабря]. Как только эмир получил известие о том, что сроки его поездки согласованы, он отправился в путь. В Бухаре в это время года стояла теплая и ясная погода, а петербуржцы, как отмечали газеты, давно не помнили таких морозов, 12-го декабря было минус 28 градусов. Такой холодной зимы не отмечали с 1739 г., когда на Неве был построен Ледяной дом [Новое время. 1892. 9 декабря, 13 декабря].

Эмир Абдул-Ахад выехал из Бухары 7 декабря 1892 г., 14-го — из Чарджуя, затем прибыл в Асхабад, где встречался с начальником Закаспийской области генералом А.Н. Куропаткиным. Из порта Узун-Ада эмир отправился в Баку на военном пароходе Каспийской флотилии [Новое время. 1892. 21 декабря]. В Петербург Абдул-Ахад должен был прибыть 2 января 1893 г. Несмотря на длительность переездов, организаторам поездки удавалось просчитывать дорогу эмира с точностью до одного дня. По мере приближения Абдул-Ахада к российским столицам главной новостью всей центральной прессы становилось освещение в разделах «Внутренние известия» и «Хроника» визита эмира бухарского. Как отмечали газеты, «эмир совершал путешествие со всею восточной роскошью», он вез багажа до двух тысяч пудов и 36 лошадей в подарок.

Интересно сравнить церемонию встречи персидского шаха и его маршрут с приемом в России бухарского эмира. При описании прибытия персидского шаха в пределы России корреспонденты газет также в подробностях сообщали, что багаж Насср-Эддина и его свиты «весил более 1500 пудов, не считая семи лошадей, нескольких баранов и двух собак». Из его багажа наблюдатели особо выделяли «12–15 небольших довольно тяжелых кожаных мешков, в которых, по предположению, заключены те драгоценности и золото, о которых столько пишут и говорят» [Всемирная иллюстрация. 1873. № 227]. Часть груза бухарского эмира была отправлена еще в конце лета, а остальной груз и лошади шли отдельным караваном.

Из Баку эмир выехал в царском поезде в Тифлис 18 декабря. Караван с подарками и лошадьми доставили на пароходе из Узун-Ада в Баку, а оттуда в Батум, затем на пароходе перевезли в Одессу и Петербург. При багаже состояли русский врач и офицер. Для наблюдения за животными и 50-ю большими тюками с предметами бухарских ремесел находились трое высокопоставленных приближенных эмира. В Тифлисе эмир пробыл несколько дней, отдохнув и осмотрев достопримечательности. По Военно-Грузинской дороге Абдул-Ахад переехал во Владикавказ, а оттуда добрался до Москвы [Всемирная иллюстрация. 1873. № 227].

С момента въезда эмира в пределы России при нем находились чиновники Туркестанского генерал-губернаторства, среди них врач Писаренко и старший переводчик при Туркестанском генерал-губернаторе ротмистр казахский султан Асфендиаров³. На музейной фотографии 1893 г. среди свиты эмира крайний справа в военной форме стоит переводчик Асфендиаров.

По сведениям журналистов, в поездке конца 1892 — начала 1893 г. эмира окружала блестящая свита, состоявшая из знатнейших чиновников Бухары. На время отсутствия эмира в Бухаре было установлено управление из трех сановников. В дневнике Абдул-Ахад писал, что он «поручил исполнение обязанности бухарского закятчи (министра финансов) Астане-Кул-бий-Перваначею, едущего с нами, младшему его брату, чарджуйскому беку Хайдар-кул-бий-дадхе» [Гаспринский 1894: 6]. В то время, когда эмир уже находился в пределах России, газета «Новое время» сообщала, что «эмира сопровождает большая свита, выдающимися представителями которой являются бухарский кушбеги, почтенный Ша Мирза, уже бывший в Петербурге в 1888 г., и заведующий казной эмира Астанакул-парваначи. Оба эти лица — персияне по происхождению — есть ближайшие помощники эмира по управлению ханством» [Приложение к «Новое время». 1892. № 10]. Статья была подписана «П.Ш.». Скорее всего, ее автором был современник описываемых событий П. Шубинский, опубликовавший несколько исторических обзоров о Бухарском ханстве.

В такой информированной газете, как «Правительственный вестник», были перечислены высшие лица, приехавшие с эмиром в декабре 1892 г: «чиновники эмира Дурбан-Куш-Беги, Тураб-Кул-парваначи, Астанакул-парваначи». Таким образом, везде встречаются разночтения: и в указании имен участников поездки, и в написании их чинов и должностей.

Эмир Абдул-Ахад отправился в Петербург со своим старшим сыном, которого хотел оставить на воспитание в России. Предполагалось, что он будет зачислен в Пажеский корпус, в котором ранее учился брат эмира принц Мансур.

Первый раз отправляясь в Россию в 1883 г., Абдул-Ахад в качестве наследника престола проезжал через Ташкент на скромных почтовых

³ В некоторых случаях перед фамилией Асфендиарова слово «султан» писали с большой буквы как имя собственное, в других — с маленькой. Тогда это означало, что «султан» — это должность, правитель, либо указывало на потомка по прямой линии от Чингиз-хана, т.е. на аристократическое происхождение Асфендиарова, «белую кость», как говорили казахи.

лошадях. В декабре 1892 г. он ехал как глава государства поездом, при этом в роскошном вагоне [Приложение к «Новое время». 1892. № 101].

Во всех городах, через которые проезжал эмир, ему оказывали встречу, соответствовавшую сану. Предполагалось, что в Петербурге он пробудет около двух недель, а в общем в России эмир должен был провести около двух месяцев.

В конце декабря из Батума на пароходе доставили в Одессу подарочных лошадей, в сопровождении одетых в национальные костюмы бухарских конюхов, рассчитанных по одному человеку на каждого скакуна. Железнодорожный состав, на котором эмир ехал в Москву, состоял из десяти вагонов. Один занимал эмир, другой — его сын. В двух вагонах находились сановники, еще в двух ехали сопровождавший конвой и кухня, два вагона были заняты багажом (один — с ценными подарками) и один вагон был служебным.

Эмир бухарский начал официальную часть своего визита в Россию с посещения Москвы в декабре 1892 г., где находился несколько дней проездом в Петербург, повторив маршрут 1873 г. персидского шах-ин-шаха.

Недалеко от Москвы, на станции Фаустово Рязанской железной дороги, для встречи эмира выехала довольно многочисленная депутация одетых в традиционные одежды бухарцев (человек тридцать), живших в Москве и окрестностях, которая затем вместе с эмиром в одном поезде возвратилась в Москву. Этот прием по описаниям напоминал приезд персидского шаха в мае 1873 г., когда в половине восьмого утра его встречали под персидский марш тоже на станции Фаустово Рязанской железной дороги. Следом за консулом Персии на платформе тогда появилась депутация персов, торговавших в Москве, которые громко приветствовали своего повелителя. В отличие от шаха бухарский эмир в поездку в Москву и Петербург никого из членов семьи кроме сына не брал. Шаха в 1873 г. сопровождали три жены, «покрытые с головы до ног черными легкими покрывалами», шествие которых возглавлял евнух с булавой [Всемирная иллюстрация. 1873. № 229, 230]. Персидских гостей в 1873 г. в Москве встречали толпы людей, на вокзале были установлены персидский и российский флаги.

Бухарское посольство прибыло в Москву 27 декабря 1892 г. в восемь часов утра. На вокзале кроме официальных лиц и московского начальства эмира встречал его брат, ротмистер драгун Сеид-Мир-Мансур. После остановки поезда в вагон, занятый эмиром, вошли встречавшие и через переводчика приветствовали его. При выходе эмира Абдул-Ахада из вагона встречавшие его бухарцы во главе со старшим ахуним Х.Р. Агеевым низко поклонились и приветствовали эмира громкими восклицаниями.

Столичная печать отмечала, что на вокзал была подана великокняжеская карета для эмира с сыном, переводчика и сопровождавших их представителей московской администрации. В остальных экипажах разместились свита эмира. В Большом дворце Кремля эмира встретили русские чиновники во главе с генерал-адъютантом А.Д. Столыпиным. Для Абдул-Ахада были приготовлены в бельэтаже апартаменты наследника-цесаревича, которые граничили с Оружейной палатой. Здесь, отдыхая после утомительной дороги, эмир долго беседовал с братом, принцем Мансуром. После осмотра привезенных лошадей, которых доставили к нему во двор Кремля из Сумского полка, где служил принц Мансур, эмир отобрал двух. Как подчеркивали газеты, «второе лицо ханства после кушбеги», главный зякетчи Астанакул (которого «Новое время» называло «Астанакул-Парванази-Закетчи») от имени эмира доставил скакунов в Нескучный сад великому князю, губернатору Москвы.

После приветствия эмира московскими чиновниками он в сопровождении нескольких своих сановников направился в Нескучный сад, в Александринский дворец, для представления московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. За эмиром следовали три экипажа с подарками. В их числе были сабля, украшенная драгоценными камнями, и всевозможные изделия бухарских мастеров, ткани, ковры и пр. Абдул-Ахад также поднес великому князю бриллиантовые знаки бухарского ордена «Восходящей звезды». Остальные подарки эмира для царской семьи и русских высокопоставленных лиц должны были прибыть на следующий день вместе с остальной свитой Абдул-Ахада.

В дни пребывания в Москве бухарский эмир осмотрел Оружейную палату, расписавшись в книге почетных посетителей. Вместе с сыном он фотографировался у известного московского фотографа Г.В. Трунова, разрешил ему именоваться «фотографом его высокостепенства» и пожаловал серебряную звезду [Санкт-Петербургские ведомости. 1892. 27—29 декабря; Московские ведомости. 1892. 27—29 декабря; Московский листок. 1892, 27—29 декабря; Новое время. 1892, 27—29 декабря].

Абдул-Ахад вел крупные торговые дела, скупал каракуль и ежегодно отправлял его в Москву. Его называли третьим на мировом рынке в торговле каракулем. Он также был владельцем нескольких хлопкоочистительных заводов. Поэтому с большой заинтересованностью встречался с председателем среднеазиатской выставки, московским купечеством, банкирами, коммерсантами, промышленниками, которые поднесли эмиру образцы своих производств — серебряные изделия, шелковые и парчовые материи, шали, часы и пр., а также редкий для

того времени подарок — музыкальный ящик, шкатулку, исполнявшую сорок восемь пьес.

С особенно большим интересом эмир отнесся к посещению Трехгорной мануфактурной фабрики братьев Прохоровых, которая выдывала ткани, находившие широкий сбыт в Бухаре. После пышной встречи высокого гостя под торжественный марш, который играл оркестр, эмир начал осмотр фабрики. Абдул-Ахад внимательно следил за работой в ткацком корпусе, в мотальной, печатной, красильной и промывочных мастерских, много расспрашивал о деталях производства, хорошо знакомого ему по хлопчатобумажному и шелкоткацкому ремеслам в Бухаре [Санкт-Петербургские ведомости. 1892. 27—29 декабря; Московские ведомости. 1892. 27—29 декабря; Московский листок. 1892. 27—29 декабря; Новое время. 1892. 27—29 декабря]. Вечером после просмотра выступления цирка эмиру со свитой предложили посетить только что роскошно отделанные московские центральные бани.

Для подростка принца Алима в Москве была подготовлена другая программа. В сопровождении А.Д. Столыпина, переводчика и шести человек свиты он побывал в Большом театре на утреннем спектакле балета «Конек-Горбунок». Наследник бухарского престола с удовольствием посетил детские гуляния в Манеже, просмотрел представление «Основание Москвы», ему понравились народные танцы, пляски, с интересом мальчик наблюдал за работой художника, слушал детский хор, гармонистов и балалаечников.

Накануне отъезда эмира в Петербург в Офицерском Собрании Хамовнических казарм, где располагался Третий Сумской драгунский полк, в котором служил принц Мансур, в 2 часа дня был устроен торжественный прием. Зал убрали коврами, тропическими деревьями, всюду были расставлены угощения, сласти. Эмиру представили присутствовавших офицеров полка, в небольшой гостиной, украшенной в восточном стиле, был сервирован чайный стол.

В неофициальной части раута для высоких бухарских гостей пели и плясали цыгане и венгры, играли полковые трубачи, что особенно пришлось по вкусу эмиру и его свите. В Бухаре вечерами эмир любил отдыхать под пение, танцы мальчиков-бачей и аккомпанемент тамбуров, домбр, барабанов, бубнов и сурнаев. Абдул-Ахаду также очень понравилось выступление простого небольшого русского странствующего цирка. После концерта присутствовавшим офицерам подавали шампанское, а эмиру и его свите — лимонад. Принца Алима в сопровождении воспитателей в это время развлекали, знакомя с коллекциями Оружейной палаты.

Лошади, которые предназначались в подарок августейшим особам, на время пребывания эмира в Москве были помещены в полковом манеже. Эти великолепные «не очень большие, с широкой грудью и жилистыми тонкими ногами» лошади были покрыты красными попонами, чтобы не замерзали в русские морозы. По сообщению газет, конюхи-бухарцы, одетые в среднеазиатские стеганые халаты с белыми тюрбанами на головах и в шубы поверх халатов, непрерывно дрожали от холода. Двое из привезенных коней, которых звали Текин и Араби, в пополах, вышитых золотом, предназначались императору, а две маленькие белые лошадки — великой княжне Ксении Александровне.

Газетчики внимательно следили за передвижениями высокого бухарского гостя, сообщая об этом в подробностях, иногда с точностью до минуты. Так, в 3 часа 15 минут эмир покинул Офицерское Собрание, поблагодарив за прием, и на обратном пути нанес визиты. Затем катался по центральной части вечернего города. В девять часов вечера в генерал-губернаторском дворце состоялся прием в честь важного гостя, на котором присутствовала «вся Москва» [Московские ведомости. 1892. 31 декабря; Московский листок. 1892. 31 декабря; Санкт-Петербургские ведомости 1892. 31 декабря]. Во время приема, например, пела известная за пределами России капелла знаменитого в те годы Д.А. Агренева-Славянского. Со своими концертами коллектив объездил разные страны и города, побывав даже в Бухаре [Всемирная иллюстрация. 1881. № 671]. Возможно, эмир слушал выступление капеллы у себя в резиденции.

В последний день пребывания в Москве, 31 декабря 1892 г., после обмена подарками с великим князем и ряда прощальных визитов эмир Абдул-Ахад посетил московскую биржу и ипподром, где следил за рысистыми бегами. Как эмиры прежнего времени, Абдул-Ахад-хан с удовольствием принимал участие в конной игре. Он ценил лошадей и считался одним из наиболее ловких, смелых и хороших наездников ханства. Современники писали, что однажды он неудачно упал с коня и с тех пор не принимал участия в состязаниях, а только наблюдал за ними.

В девять часов вечера эмир со свитой отправился на Николаевский вокзал, где к тому времени был приготовлен экстренный поезд. Провожать эмира в Петербург прибыли московские начальники, именитое купечество, члены бухарской колонии, а также принц Мансур. В десять часов вечера поезд тронулся в путь.

Как сообщали центральные газеты, в ночь с 31 декабря 1892 г. на 1 января 1893 г. поезд эмира находился в пути. В начале двенадцатого часа ночи все сопровождавшие эмира собрались в директорском вагоне встретить европейский Новый год. Уезжая из Москвы, эмир Абдул-Ахад отправил новогодние поздравительные телеграммы в Ташкент

и Петербург. В Твери поезд эмира остановился на три часа для ночлега. В восемь часов утра 1 января на станции Бологое эмир завтракал, а в Окуловке пил чай. В это же время ему вручили ответную новогоднюю поздравительную телеграмму из Петербурга. Почти через сутки пути в восемь часов вечера 1 января 1893 г. поезд эмира благополучно прибыл из Москвы в Петербург.

Для встречи в Петербурге высоких гостей на Николаевском вокзале были открыты царские комнаты. Прибытие в Петербург бухарского эмира с сыном и свитой было для жителей и властей событием выдающимся. Эмира встречали представители столичной администрации, министерств, ведомств и Главного штаба. Здесь же находилось мусульманское духовенство Петербурга. Несмотря на мороз, у Николаевского вокзала собралось довольно много публики посмотреть на приезд необычной делегации [Санкт-Петербургские ведомости. 1893. 4 января; Правительственный вестник. 1893. № 2].

Столичные газеты пристально наблюдали за перемещениями бухарского эмира. После обмена приветствиями Абдул-Ахад отправился в помещения вокзала, где произнес приветственную речь, выразил благодарность за радушный прием его по всей территории России от самой Бухары. По впечатлениям встречавших, эмир был «высоким, красивым мужчиной, слегка смуглым, с правильными чертами лица и черной бородой»: «Эмир, мужчина несколько выше среднего роста, крепкого и сильного телосложения, обладающий весьма красивой наружностью типичного таджика. Он чрезвычайно жив, деятелен и подвижен», — отзывались об Абдул-Ахаде наблюдательные газетчики [Всемирная иллюстрация. 1893. № 52].

Журналисты помнили внешность Абдул-Ахада, когда он присутствовал на коронации 1883 г. С тех пор, по их мнению, «красавец восточный принц» лишь пополнел. Из вагона эмир вышел, одетый в верхний шелковый коричневый халат. На широком золотом поясе с бляхами с боку была подвешена сабля. На голове была белая чалма. Под верхним халатом виднелся парадный халат, на котором сияли бухарские награды и через плечо была надета русская орденская лента. Выглядел эмир для сумрачного зимнего Петербурга весьма экзотично [Санкт-Петербургские ведомости. 1893. 4 января].

После непродолжительной беседы в комнатах вокзала Абдул-Ахад вместе с сыном, «мальчиком с бойкими умными глазами», одетым так же в нарядный халат, свитой в пестрых парчовых и шелковых халатах и белых у большинства чалмах в сопровождении российских военных чинов отбыли в придворных экипажах в Зимний дворец. С эмиром в Петербург прибыли 22 человека прислуги и 30 конюхов.

После приезда в Петербург Абдул-Ахад, которого до тех пор титуловали в России «его высочайшее достоинство», с нового 1893 г. был высочайше удостоен титула «его светлость».

Для проживания эмира в Зимнем дворце рядом с Эрмитажем были отведены те же помещения, в которых в 1873 г. останавливался персидский шах. Помещение для Абдул-Ахада, принца Алима и «министра Дурбан-куш-беги» было отведено у Советского подъезда Зимнего дворца⁴. Остальная свита была размещена в «Гранд-отеле». В покоях дворца для гостей по восточному обычаю был накрыт стол, дастархан. В этот день к эмиру с визитами приезжали несколько официальных лиц.

На другой день после прибытия в Петербург Абдул-Ахада московским поездом приехала остальная свита, в том числе караул-беги и секретари эмира, а также багаж и 28 подарочных лошадей. «Лошади — все жеребцы разных пород и различных мастей, преобладают серая и рыжая. По породам главным выделяются текинские и туркменские» [Новое время. 1893. 8 января]. Для жителей Петербурга эти животные тоже выглядели непривычно — в нескольких пополах, в том числе яркой верхней, ковровой или войлочной, покрывавшей круп с хвостом.

Как сообщали столичные газеты, в течение дня 3 января эмир не выезжал из Зимнего дворца, ему представлялись высокопоставленные лица. Бухарские сановники по его поручению развозили должностным лицам подарки — халаты, ковры и шелковые ткани.

В понедельник 4 января эмир вместе с наследником выехал в половине третьего дня в Аничков дворец для представления императору и его семье. В те годы Аничков дворец являлся любимой резиденцией императорской семьи. Александр III, как и его семья, во время пребывания в Петербурге обычно жил в Аничковом дворце [Попова 1998].

Эмир ехал во дворец в отдельной карете. Как отмечали наблюдатели, на нем был халат, затканый крупными букетами, орденская лента и орден Александра Невского, украшенный бриллиантами. На груди эмира сияли и другие российские и бухарские знаки отличия. На широком золотом поясе была неизменная сабля, на голове — белая чалма. Принц также ехал в отдельной карете. Далее в ряде экипажей следовали бухарские сановники, тоже в богатых халатах, и прочие чины, состоявшие при эмире. Немного раньше во дворец были доставлены на нескольких подводах подарки эмира и приведены 17 лошадей в драгоценных уборах, предназначенные царю и членам его семейства.

⁴ Мраморная Советская лестница, устроенная в 1850-е годы по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера, получила свое название от находящегося слева от вестибюля зала, в котором с 1828 г. заседал Государственный совет.

В Аничковом дворце эмира встретили придворные и проводили гостей наверх. Здесь депутация увиделась со столичными чиновниками. В Голубой гостиной бухарцев ожидали военный министр, директор Азиатского департамента, представитель Главного штаба и политический агент в Бухаре. До начала приема гостей Александром III гости пили чай и беседовали.

В три часа эмира с сыном, военным министром и переводчиком Асфендиаровым пригласили в кабинет, где находились Александр III и члены августейшей фамилии. После представления все вышли в Голубую гостиную, где императора познакомили с бухарскими сановниками. Как подчеркивали газеты, при этом государь удостоивал каждого из них разговором.

В столовой на двух больших столах были разложены дары эмира. Среди них для государя предназначалась, например, золотая сабля в золотых ножнах с обсыпанной крупными бриллиантами рукояткой, пояс с драгоценными камнями и «шатер из редких кашмирских шалей». Государыне и великим княжнам Ксении и Ольге Александровнам Абдул-Ахад подарил серьги и несколько ожерелий с драгоценными камнями бухарской работы, дамский шитый жемчугом зонтик с обсыпанной бриллиантами ручкой. Цесаревичу были подарены сабля и пояс, украшенный драгоценными камнями. В числе подарков были также ножи, украшенные камнями, серебряные с чернью ларцы, братины, вазы и т.п., а также роскошные ковры и материи ручной работы.

Во время осмотра подарков эмир просил принять от него также 17 лошадей, которых к этому времени разместили в конюшнях Аничкова дворца. Обойдя два раза столы с подарками, по замечанию столичной печати, Александр III и его семья простившись с эмиром и свитой, удалились во внутренние покои, а гости прошли в гостиную. В три часа сорок минут бухарская делегация отбыла из Аничкова дворца, чтобы в четыре часа нанести визит великому князю Владимиру Александровичу. Ему эмир также поднес ценные подарки и трех скакунов с полным убранием.

Проследить дальнейшую судьбу подарков эмира бухарского практически невозможно. В сентябре 1917 г. императорские драгоценности были вывезены из Камерального управления Кабинета Аничкова дворца, в котором они хранились. В конце февраля 1918 г. в Москву были отправлены вещи из золота, платины и серебра, принадлежавшие Марии Федоровне: 84 ящика и 9 сундуков. Осенью 1918 г. при обходе помещений дворца были обнаружены 9 сундуков с предметами и документами (см.: [Попова 1998: 22–24]). В эти годы участились грабежи особняков бывшей придворной знати. С 1918 г. Аничков дворец был передан

учрежденному Музею города. В 1920-е годы в музеи стали поступать вещи из Государственного музейного фонда, деятельность которого фактически способствовала рассеиванию редчайших собраний, превращая их из богатейших коллекций в разрозненные предметы, разбросанные по разным музеям и другим учреждениям. Фонд передавал имущество бывших дворцов и особняков в том числе и в такие музеи, которые просуществовали короткое время. Большая часть уникальных собраний исчезла бесследно. В настоящее время в собраниях некоторых музеев присутствуют фрагменты подарков эмира бухарского, но каким образом они сохранились, какой путь прошли, оказавшись в хранилищах, теперь не установить (см.: [Прищепова 2000: 85–110]).

На другой день после приема императором эмира, 5-го числа, Абдул-Ахад с одиннадцати часов утра в сопровождении своих ближайших сановников посещал особ царской семьи. Он поднес им бриллиантовые знаки бухарского ордена «Восходящей звезды», изделия бухарского производства, а также коней в роскошных уборах.

В среду 6-го января, в праздник Богоявления (Крещения), в Зимнем дворце происходили высочайший выход на Иордань и крещенский парад. К половине одиннадцатого утра залы Зимнего дворца наполнились придворными дамами, высокими военными и гражданскими чинами, приглашенными на церемонию. В одиннадцать часов последовал выход к литургии в церковь Зимнего дворца.

Иордань напротив дворца возвышалась на Неве в виде восьмигранной часовни с голубым со звездами куполом. Верх ее осенял сиявший крест. Она располагалась выше уровня тротуара набережной на покрытом красным сукном помосте. Внутри Иордани был устроен спуск к проруби на льду реки. Газетчики заметили, как во время литургии Абдул-Ахад с сыном и свитой в нарядных халатах прошли в Петровский зал, где ожидал следовавший через этот зал на Иордань крестный ход. Затем гостей пригласили пройти в Николаевский зал, из окон которого можно было видеть, как происходило водоосвящение. Туда же были также приглашены иностранные послы и лица дипломатического корпуса, которые тоже смотрели из окон на выход к Иордани.

Вечером того же дня эмир со свитой был приглашен на раут, устроенный в его честь строителем Закаспийской железной дороги генерал-лейтенантом М.Н. Анненковым. Сослуживцы восхищались энергией М.Н. Анненкова, называя его «тружеником идеи»: «Богатый человек, воспитанный в роскоши и барстве, здесь (во время строительства Закаспийской железной дороги. — *В.П.*) он работал как вол или простой чернорабочий. Вставать в 4 часа утра и проводить весь день на работе под палящими лучами тропического солнца <...> а вечером, когда все отды-

хают, работать за письменным столом до полуночи — это не только труд, но и подвиг» [Зноско-Боровский 1889: 6]. М.Н. Анненков был давно знаком с Абдул-Ахадом, со времен строительства дороги. Востоковед Н.И. Веселовский считал, что присутствие М.Н. Анненкова во время восшествия на престол Абдул-Ахада было своевременной поддержкой будущему эмиру. Как считал исследователь, это усилило не только торжественность обряда. Именно въездом эмира в Бухару в сопровождении русского генерала и его свиты из казаков Н.И. Веселовский объяснял необычайное спокойствие среди жителей города. Во время раута 1893 г. хозяин дома М.Н. Анненков стремился, чтобы убранство комнат, а также картины «Река Аму-дарья» и «Укладка шпал на Закаспийской дороге» напоминали эмиру Бухару и время их знакомства.

По описаниям современников, все помещения дома генерала были убраны бухарскими тканями, персидскими коврами, восточной посудой, седлами, чепраками, которые эмир подарил М.Н. Анненкову прежде, мягкой восточной мебелью, среди которой располагались карточные и чайные столы. Эмир с сыном и свитой из четырех человек прибыли на прием в 10 часов 20 минут вечера. Пресса отмечала, что на вечере присутствовало много влиятельных лиц, а также дам. В гостиной проходили оживленные танцы. В зале, уставленном тропическими растениями и цветами, был накрыт дастархан.

Журналисты обращали внимание на то, что во время бала Абдул-Ахад некоторое время наблюдал за танцами. Особенно они понравились принцу Алиму, который поэтому отправился спать поздно, лишь около полуночи. Во время ужина Абдул-Ахада усадили между двумя светскими дамами. Стол, за которым он сидел, был накрыт на 24 персоны. За этим же столом ужинали и бухарские придворные. По всей видимости, им впервые пришлось сидеть за одним столом со своим господином, что противоречило бухарским правилам приличия. В Бухаре эмир всегда ел один. После ужина Абдул-Ахад еще раз вернулся в бальный зал посмотреть на танцы и затем уехал.

Столичная печать отмечала, что 8-го января эмир принимал великих князей и посещал их сам. Принца Алима в этот день знакомили с экспонатами Петровской галереи и хранилищем драгоценностей Эрмитажа.

В воскресенье 10 января в девять часов вечера в честь бухарского эмира был дан торжественный прием в здании военного министерства на Исаакиевской площади. Накануне, в субботу и весь день в воскресенье, в здании шли приготовления. Залы министерства стали неузнаваемы. Декорирование помещений было возложено на полковника Чеховича. Даже вешалки в прихожей были скрыты шпалерами оранжерейных деревьев.

На стене лестницы был установлен огромный щит с изображением Георгия Победоносца, окруженного сиянием из штыков и клинков сабель. Окна были закрыты, в нишах установлены манекены рыцарей в шлемах с забралами, взятых, как писали газеты, из Артиллерийского музея.

Описание приема эмира, опубликованное в газете, иллюстрировал рисунок, специально выполненный с натуры К.О. Брожем [Всемирная иллюстрация. 1893. 23 января]. Площадка лестницы была оформлена в виде аллеи сада, зал заседаний военного совета превращен в гостиную и буфетную, посередине которой раскинуло ветви гигантское дерево. Отдельные группы растений, среди которых красовались пальмы, окружали диванчики. Деревья подсвечивали электрическими лампочками, люстрами и канделябрами, задрапированными бухарскими тканями. Кабинет военного министра напоминал восточный шатер из кашмирских шалей, константинопольских вышивок, всевозможных турецких, персидских, текинских ковров, японских, китайских шелков, индийской парчи. Окна задрапировали кашемиром, золотой парчой и бархатом. Вокруг расставили тахты, парчовые кушетки и другую мягкую мебель, вазы в восточных рисунках. На столиках из слоновой кости с инкрустацией лежали фрукты, сласти, мороженое.

По сообщению прессы, на прием в честь эмира в военное министерство съехались члены Государственного совета, министры, члены Военного совета, масса генералов, командиры полков и представители гвардии. Залы наполнили более трехсот человек.

Во время раута играл оркестр лейб-гвардии Преображенского полка. В разгар вечера оркестр исполнил марш, написанный руководителем оркестра Шинделяром в честь бухарского эмира. Абдул-Ахад немного говорил по-русски и даже провозгласил тост.

На следующий день царь с семьей в присутствии эмира и его свиты осматривал в Манеже подаренных эмиром лошадей. Абдул-Ахад, как знаток, объяснял породу каждой лошади. Все скакуны были под роскошными, шитыми золотом чепраками и драгоценными седлами. По желанию царя бухарцы сели на лошадей и проехали на них по Манежу. В этот же день царь осмотрел шатер, поднесенный в подарок эмиром и раскинутый во дворе Зимнего дворца. Вечером эмир с сыном и свитой слушали в Мариинском театре оперу Массне.

Вечером в 7 часов 12 января в концертном зале Зимнего дворца состоялся парадный обед в честь эмира. Как отмечала светская хроника, сюда съехались придворные дамы, генералитет и прочие приглашенные чины. Бухарский гость прибыл на обед в парчовом халате со знаками орденов Белого орла и Александра Невского. Свита эмира также была с орденами, только что пожалованными царем. Царь в ответ надел брил-

лиантовые знаки бухарского ордена «Восходящей Звезды». Чтобы подчеркнуть особое уважение к почетному гостю, во время выхода к столу в первой паре шли государыня с эмиром и только во второй — царь с великой княжной. Далее следовали особы августейшей фамилии. Во время обеда играл придворный оркестр.

В один из дней эмиру нанес визит петербургский мусульманский ахун Баязитов, состоявший переводчиком МИДа. Он поднес Абдул-Ахаду несколько книг религиозно-философского содержания, написанных им на русском языке, и прочел стихи в честь эмира на персидском. Эмир Бухары, куда с древних времен стеклись со всех концов мусульманского мира люди, жаждавшие наук и знаний, должен был оценить уровень образования петербургского мусульманина.

Среди прочих визитеров Абдул-Ахаду был представлен также директор Николаевского кадетского корпуса, которому вверялось образование сына эмира, принца Алима. После подготовки принца должны были перевести в Пажеский корпус. Перед отъездом эмира его сын с воспитателем, переводчиком и прислугой были помещены в Николаевский кадетский корпус.

Во время пребывания в Петербурге бухарские гости посещали Петропавловскую крепость, Монетный двор, типографию ценных бумаг, осматривали залы Зимнего дворца. Эмира приветствовала депутация Думы и поднесла ему альбом видов Петербурга. Вечерами гости принимали приглашения на званые вечера.

Утром 16 января эмир осматривал столичную пожарную команду. На Дворцовой площади были построены все части с оркестром. По команде градоначальника они прошли маршем, затем разными аллюрами, шагом, рысью и т.п. Во время смотра оркестр играл бухарский марш, написанный на темы бухарских народных мотивов капельмейстером оркестра Миллером.

Среди многочисленных ответных подарков эмиру, его сыну и свите царь через заведующего Азиатской частью Генерального штаба передал Абдул-Ахаду панаш (эгрет) на чалму, богато украшенный бриллиантами с крупным изумрудом посередине. Все особы императорской фамилии, которым эмир поднес подарки, также прислали ему ценные предметы — вазы, серебряные сервизы, позолоченные и прочие изделия, украшенные эмалью.

На первый в 1893 г. бал в Зимнем дворце, который состоялся 19 января, было приглашено, как об этом извещала пресса, 3375 персон. Эмир в сопровождении своих придворных прибыл в начале десятого вечера. Он вошел во внутренние покои, где собирались члены царской семьи. Свита и сопровождавшие лица во главе с военным министром

остались в Николаевском зале. В половине десятого оркестр заиграл полонез и под его звуки последовал выход царской семьи из внутренних покоев в Малахитовую гостиную и Николаевский зал. Затем прошел эмир и только после него — иностранные послы. В час ночи началось шествие к ужину, сервированному во многих залах. В первой паре шла царская чета, за ними — эмир и члены царской семьи. В Гербовом зале на небольшом возвышении был сервирован дугообразной формы стол. Император, как хозяин дома, во время ужина обходил помещения и беседовал с гостями. Императрица сидела в центре, справа от нее было место эмира. Возможно, именно в этот день был выполнен фотопортрет Абдул-Ахада, хранящийся в нашем музее (колл. № 1695-1).

Утром 20 января эмир со свитой посетил училище глухонемых. Это казалось неожиданным поворотом в праздничной программе гостей. На следующий день эмир был на учениях лейб-гвардии Павловского полка. Затем несколько дней эмира были посвящены приему ряда должностных лиц (среди них были помощник начальника Главного штаба, директор Николаевского кадетского корпуса генерал-майор Я.А. Дружинин, под руководством которого должен был воспитываться принц Алим, и др.) и нанесению ответных визитов.

Второй бал в концертном зале Зимнего дворца, на котором также присутствовал эмир со свитой, состоялся 24 января. Утром следующего дня эмир посетил Николаевский кадетский корпус, где должен был получить первоначальное образование его сын. Для проживания в корпусе принцу должны были отвести особое помещение. Его воспитателем был назначен полковник Демин. В благодарность за заботу о сыне эмир подарил одного из замечательных коней министру двора.

В одиннадцать часов утра 26 января в Аничковом дворце состоялась прощальная встреча эмира с сыном у царя в присутствии министров, которая длилась около часа.

В обратную дорогу эмир выехал из Петербурга по Варшавской железной дороге в Киев в семь часов вечера 28 января. Часть состоявших при нем лиц провожали эмира до Баку, остальные — до Бухары. Маршрут обратного следования Абдул-Ахада был следующим: Киев — Одесса — Крым — Батум — Тифлис — Баку, затем Каспийским морем до Узун-Ада и по Закаспийской железной дороге до Бухары.

Проводить высокого гостя на вокзал прибыли высшие должностные лица. Во время пребывания бухарской делегации в Москве и Петербурге все, кому удавалось общаться с гостями, отмечали их умение держать себя корректно. Бухарцев характеризовали как людей в высшей степени тактичных. Приверженность бухарцев тонкостям правил приличия подчеркивали все иностранцы, приезжавшие в ханство. А.А. Се-

менов, который присутствовал на приеме у кулябского наместника, писал о том, как свита бесшумно раздвигается перед ним и удаляется за своим господином с теми красивыми манерами, которые сделали бы честь любому изящному воспитаннику салонов галантного восемнадцатого столетия [Семенов 1902]. Население мусульманского востока строго избегало торопливости в своих движениях: «Торопливость есть свойство дьявола» [Лыкошин 1915: 43]. На коллективной фотографии Абдул-Ахада с сыном и свитой 1893 г. из музейной коллекции сановники учтиво держат на животе сложенные руки. Такая поза соответствовала мусульманским правилам приветствия старшего не поклоном, а складыванием рук на животе.

До наших дней сохранилось немного описаний XIX–XX вв. о пребывании среднеазиатских делегаций в России или Европе и о том, как они жили на чужбине. Например, любопытно было бы узнать, как был оформлен Среднеазиатский отдел на Всемирной выставке 1900 г. в Париже, какие были выставлены фотографии во «Дворце Азиатской России», кто его создавал. Эти сведения были бы необходимы в связи с историей ряда иллюстративных коллекций МАЭ, некоторые из них удалось обнаружить.

Спустя несколько месяцев после официального открытия выставки ее Среднеазиатский отдел посетил туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской. Он встретился с М.И. Шанявским, по всей видимости, представителем русской администрации, который находился в сопровождении группы бухарцев и «декоративного» туркмена [Духовская 1913: 84]. Бухарцы были командированы в Париж, говоря словами очевидца, для наблюдения за богатыми экспонатами, присланными эмиром, «а также служить декорацией в Среднеазиатском отделе, в котором видное место было отведено Бухарскому ханству».

По описанию посетелей выставки, внутри здания Среднеазиатского отдела издали при входе была видна громадная панорама работы художника Коровина, изображавшая площадь перед мечетью в Самарканде с пестрой живой толпой. В разных углах зала, где было разрешено устроить лавочки и мастерские, находились живописные фигуры бухарцев и сартов-купцов. В Среднеазиатском отделе были выставлены ковры, богатое оружие, посуда, сосуды, коллекция сельскохозяйственных продуктов, наибольшее внимание привлекали восточные ткани, седла, конская сбруя, украшенные драгоценными камнями, от эмира бухарского. Эту часть выставки современники характеризовали как «сказочный уголок восточной роскоши в самом центре европейской жизни».

Во время приезда эмира бухарского со свитой в 1892–1893 гг. в Петербург их роскошные костюмы повсеместно обращали на себя внима-

ние публики. По впечатлению немецкого путешественника Й. Тrolла, совершившего в 1884–1892 гг. путешествия в Азию и побывавшего в Бухаре, ярко-красные, желтые или в цветах халаты, чапаны местной знати напоминали ему «длинное и обширное одеяние, подобное спальному сюртуку» [Janata 1984].

В 1900 г. в Париже, в котором до сих пор никогда не было ни одного бухарца, они произвели сильное впечатление, когда разгуливали по городу в своих национальных костюмах. Чаще всего они одевались скромно, чтобы меньше привлекать внимания, но когда наряжались в свои богатые наряды, то их принимали за восточных принцев. Поэтому при посещении ими магазинов продавцы сразу заламывали цены. В одном крупном магазине директор провел их по всем отделам мебели, шелков, ковров, галантереи и проч., «но экономные бухарцы спросили лишь полдюжины эмалированных тарелок».

В Париже иностранные колонии, в том числе Азиатской России, занимали часть садов Трокадеро [Путеводитель по Парижу 1900: 77]. Маленькая среднеазиатская колония вместе с М.И. Шанявским поселилась в одном доме. Бухарская делегация состояла из бухарского полковника, капитана, переводчика и привезенной прислуги. Бухарский купец Ата-ходжа выступал в роли переводчика и одновременно ведал коллективным хозяйством. Он каждое утро отправлялся за продуктами, выучившись необходимым французским словам, и сам готовил обеды.

Судьба некоторых экспонатов Среднеазиатского отдела известна. Можно предположить, что на Всемирной выставке 1900 г. в Париже демонстрировалась фотоколлекция по культуре казахов С.М. Дудина 1899 г. (отпечатки которой в настоящее время хранятся в МАЭ, о ней мы уже рассказывали), после чего, видимо, ее стеклянные негативы оказались в Музее Гамбурга, в Германии. Часть экспонатов из предметов кустарного производства Среднеазиатского отдела Всемирной выставки «раздали даром», образцы продуктов съели мыши: «Завели огромных котов, но, привыкшие к домашнему покою, они не переносили дневной суеты и ночного одиночества и сбежали» [Духовская 1913: 87]. Отправлять сартовскую арбу с колесами выше человеческого роста назад стоило дорого, пробовали ее подарить какому-нибудь музею, но никто не брал, поэтому ее вывезли на дорогу и бросили.

Приезд в Петербург эмира бухарского и хана хивинского в 1898, 1906, 1913 и 1916 г. (по архивным материалам)

Детальная фиксация в средствах массовой информации и других документах церемонии приема эмира бухарского в Петербурге в 1893 г.

послужила образцом для разработки последующего протокола приема эмира Абдул-Ахада, затем и эмира Алим-хана и хивинского хана.

Сеит-Магомет-Рахим-Богодур
Хан хивинский. -

Сеит-Магомет-Рахим-Богодур. Хан хивинский. Н. Ордэ. 1880-е годы.
МАЭ. Колл. № 255-187

В 1898 г. канцелярия министерства императорского двора рекомендовала управлению гофмаршальской частью по случаю приезда эмира Абдул-Ахада в Россию во второй половине мая «придерживаться тех же распоряжений <...> которые были в 1893 году» (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 1).

В 1898 г. эмир Абдул-Ахад должен был пробывать в Петербурге две недели, т.е. 14 дней. Сначала сановников эмира хотели разместить в здании Нового Эрмитажа. Но позже было «высочайше повелено» поселить их вместе с миром в Зимнем дворце, а некоторую часть прислуги, десять-двенадцать человек, семь конюхов при подарочных лошадях и других, разместили в гостинице военного министерства.

По протоколу, во время пребывания эмира Абдул-Ахада в Петербурге при нем должны были находиться представители военного министерства, генштаба и туркестанской администрации, в том числе постоянные переводчик и врач.

С министерством императорского двора, военным министерством, генштабом и туркестанским генерал-губернатором заранее согласовывались не только время, сроки и состав бухарской делегации, но и ее действия: «Вследствие последовавшего Высочайшего соизволения на разрешение эмиру Бухарскому взять с собою кроме орденов подарка к Высочайшему двору» исправлявший дела туркестанского генерал-губернатора «уведомлял, чтобы эмир вез с собой подарки для поднесения императору, императрице Александре Федоровне, вдовствующей императрице Марии Федоровне, братьям и сестрам императора и великим княжнам Ольге и Татьяне Николаевнам» (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 4).

Представители российской стороны, назначенные состоять при эмире, должны были проживать вместе с гостями в отведенных для них помещениях и распределить комнаты для свиты эмира.

Придворные служители гофмаршальской части, находившиеся «в наряде» на службе по случаю пребывания эмира, были поименно распределены по дням дежурства в Зимнем дворце: в день приезда эмира — 16 мая 1898 г., 18 мая — в день торжественного приема гостей императором в Царскосельском дворце, в день приема в Гатчинском дворце, а также в течение всего срока пребывания эмира и т.п. Штат прислуги включал шесть человек камер- и гофкурьеров, десять мужчин официантов, троих скороходов, четырех старших «арабов» (скорее всего это название одной из должностей служащих), тридцать пять лакеев, шесть рабочих, одиннадцать швейцаров, четыре повара, канцелярских служащих, повесточных, парикмахера, двоих портных, двух комнатных женщин, кухонных и буфетных служащих в количестве тринадцати человек.

В списке свиты эмира Абдул-Ахада в 1898 г. были Астанакул-бий Диванбеги, главный бухарский зякетчи, Мирза Насрулла-бий, бывший воспитатель брата эмира Сеида-Мир-Мансура, и др. (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 5).

Следующий визит эмира Абдул-Ахада вместе с наследником тюрежданом принцем Алимом в Петербург состоялся с 31 октября по 19 ноября 1906 г. Эмир следовал через Москву, и канцелярия императорского двора повелела на случай остановки его и свиты в Москве разместить гостей «по прежним примерам», т.е. как это было в 1893 г.: в Москве — в апартаментах Большого Кремлевского дворца, в Петербурге, как и в 1893 и 1898 гг., в новых комнатах Эрмитажа. Экипажи предоставлять от высочайшего двора, оказывать «при следовании в Петербург и обратно, а равно при остановках в попутных городах все те почести, какие оказывали ему в предшествовавшие приезды в Петербург» (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 305. Л. 1). В 1906 г. эмира с сыном сопровождали четыре сановника, восемь старших и младших чиновников и двадцать шесть человек прислуги и конюхов.

В списке лиц свиты эмира с наследником в ноябре 1906 г. среди четырех сановников первым в списке назван парваначи Мирза Насрулла, Шахриябский бек (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 305. Л. 4). Таким образом, по архивным документам можно проследить политический рост этого приближенного эмира.

По литературным источникам известно, что Насрулла-бий был воспитателем принца Мансура. Публицист П. Шубинский называл его в числе лиц, наиболее приближенных к эмиру [Шубинский 1892: 26]. В архивных материалах, относящихся к приезду эмира Абдул-Ахада в Петербург в 1898 г., в списке чинов свиты Мирзо Насрулла-бий был назван бывшим воспитателем принца Мансура (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 5).

Перестав находиться непосредственно возле своего питомца, Мирзо Насрулла-бий все же продолжал оставаться в ближайшем окружении эмира. Во время приезда эмира Абдул-Ахада в Петербург в 1906 г. Мирзо Насрулла парваначи, он же Шахриябский бек, числился самым приближенным лицом к главе ханства (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 147. Л. 4). В дальнейшем Мирзо Насрулла-бий-ходжа-кул (Мирзо Насруллах-бий кул) стал кушбеги (с 1909 г.), т.е. вторым лицом после эмира. Этот пост он занял после смещения прежде могущественного Астанакула кушбеги. С Мирзо Насрулла-бием был знаком А.А. Семенов, который в августе 1917 г. находился в Бухаре в качестве советника при проведении реформ центрального административного аппарата. В 1917 г. Мирзо Насрулла лишили должности, в 1918 г. он умер.

М.С. Андреев писал, что кушбеги Мирзо Насрулла по происхождению был бухарцем, таджиком, из небогатой семьи. Его отец имел в Бухаре лавочку, в которой торговал чугунными котлами [Андреев, Чехович 1972: 48, 84; Ремпель 1981: 68]. Выдвинулся Мирзо Насрулла сначала на службе у эмира Музаффара, потом при эмире Абдул-Ахаде успешно продолжил служебную карьеру.

Подобная возможность карьерного роста людей низкого происхождения вплоть до первого сановника государства или, наоборот, внезапная утрата достигнутого были характерны для бухарского общества: «Бывший владетельный бек, потеряв свое звание, может сидеть в лавке и торговать мелким товаром или даже нищенствовать, а ломовой извозчик исполняет его обязанности в результате ловкой интриги» [Стремоухов 1875: 647]. Современники объясняли это укоренением недоверия и подозрительности в бухарской среде.

В числе лиц, назначенных состоять при эмире Абдул-Ахаде в 1906 г. с российской стороны, был и действительный статский советник, политический агент в Бухаре Я.Я. Лютш (один из собирателей фотоколлекций МАЭ). В 1906 г. из Кермине эмира сопровождал среди других назначенных русской администрацией чиновников переводчик Диваев. Возможно, это был тот самый известный исследователь-тюрколог и фольклорист А.А. Диваев. В Петербурге переводчиком эмира был, как и в 1893 г., сфотографированный вместе со свитой эмира в Зимнем дворце в Петербурге С.Асфендиаров. К 1906 г. он уже стал подполковником.

При сравнении состава свиты эмира 1893, 1898 и 1906 гг. очевидно, что количество его приближенных во время приездов сокращалось, а вот список обслуживавших придворнослужителей в Петербурге становился больше. Появились несколько кондитеров, двое «погребщиков» — рабочих при винном погребе, которые не числились в списках прежде, кроме одного парикмахера добавились еще двое его подмастерьев.

Во время визита 1906 г. эмир Абдул-Ахад также посетил Царско-сельский, Петергофский и Гатчинский дворцы. Во время этого приезда Абдул-Ахад преподнес членам царской семьи дорогие подарки, в том числе несколько образцов предметов золотошвейного конского убранства, которые ныне хранятся в МАЭ. К сожалению, относительно большинства экспонатов из этой коллекции нет сведений об их происхождении. Лишь на трех предметах сохранились бирки, на которых указано время, когда они были подарены «ея величеству императрице Марии Федоровне» (вдове Александра III): вышитые золотом чепрак и потник — 28 ноября 1906 г. Еще один золотошвейный чепрак — 2 февраля

1910 г. Остальные предметы подарочной конской упряжи и коллекция кустарных шелковых, полушелковых и бархатных бухарских тканей, которые также хранятся в музее, могут быть связаны с визитами эмира либо посольств в разные годы, в том числе и с его приездом в Петербург в 1893 г.

В мае 1911 г. была выработана программа встречи и пребывания в России эмира бухарского и хана хивинского. В нем предусматривался порядок их встречи и проводов, в том числе в городах, через которые они проезжали. Выбор городов, т.е. маршрута их поездок, по-прежнему решался по усмотрению командующего войсками Туркестанского военного округа. В документе особо оговаривалась процедура встречи гостей на вокзале Петербурга, порядок подачи экипажей, устанавливалась очередность нанесения визитов в министерства и ведомства, определялся срок пребывания в столице посланников до десяти-четырнадцати дней «по примеру предыдущих приездов» (в 1893 г., например, эмир находился дольше, с 1 по 27 января). Также оговаривалось обязательное наличие парадной формы для присутствующих на церемониях приема эмира бухарского и хана хивинского. Награжденные бухарскими орденами должны были их надеть.

В 1913 г. проходили торжества по случаю празднования 300-летия дома Романовых. В феврале 1913 г. прибытие эмира бухарского в Петербург совпало с приездом хана хивинского. Эмир Алим-хан приехал 14 февраля, а 16 февраля — хан хивинский. По-прежнему, как и в 1893 г., врачом, состоявшим при эмире, был Писаренко, а переводчиком — состоявший при командующем войсками Туркестанского военного округа дослужившийся к тому времени до полковника Асфендиаров.

Эмир и хан поселились в соседних апартаментах: «Главный штаб просит не отказать в разрешении свободного прохода внутренними покоем Зимнего дворца из помещения эмира бухарского в помещение хана хивинского и обратно» (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 305. Л. 9 об.). Эту фразу, написанную на бланке Главного штаба военного министерства, министр подчеркнул и поставил знак вопроса. Видимо, такая просьба была неожиданной.

В 1913 г. эмира сопровождали три сановника и шесть чиновников. Высочайший прием устраивали сначала эмиру, через пару дней — хану, видимо, соблюдая очередность их приезда. Принимали гостей в Большом Царскосельском дворце, на приемы приглашали лишь по три человека из свиты эмира и хана. Из Петербурга до Царского Села добирались по Варшавской железной дороге. В целях безопасности об отправлении экстренных поездов сообщали телеграфом в Зимний дворец, коменданту в Царское Село, министру путей сообщения, в управ-

ление железных дорог, командиру железнодорожного полка, начальнику Северо-Западной железной дороги и т.д.

В одном поезде ехал эмир со свитой и состоящими при нем лицами, всего около двадцати пяти человек. Во втором — столько же приглашенных гостей. Второй поезд выезжал на полчаса позже первого, в двенадцать часов дня. Третий поезд был обратным и общим для всех. Он отправлялся от павильона в Царском Селе в два часа дня до Петербурга.

После приема в Царском Селе под звуки оркестра гостей ждал дастархан. В архиве сохранилось приглашение в Большой Царскосельский дворец «к Высочайшему завтраку в 12^{1/2} часов», которое производит скромное впечатление простой записки (РГИА. Ф. 476. Оп. 1. № 305. Л. 29).

В один из дней императрица Мария Федоровна в Аничковом дворце принимала эмира бухарского вместе с одиннадцатью особами из свиты и назначенных чиновников. Дастархан должны были накрывать в двух смежных залах, отдельно для эмира и для свиты, либо в одном зале, но на двух разных столах, придерживаясь обычая, при котором эмир должен находиться за столом один.

Об этом визите последнего эмира бухарского Сеид-Алим-хана напоминает в собрании МАЭ небольшой матерчатый кошелек ручной бухарской работы — хальта (колл. № 6867-1). Он полукруглой формы, в верхней части продета тесьма с кисточками. Как указано в приложенной к кошельку записке, этот кошелек с вложенными внутрь золотыми монетами эмир подарил горничной Анне Михайловне Михайловой, которая прислуживала Алим-хану в его покоях гостиницы Петербурга, где он останавливался во время торжеств по случаю 300-летия дома Романовых в 1913 г. Записка была составлена в 1946 г. К.Б. Старковой. По ее словам, в 1939 г. кошелек подарила ей колхозница деревни Большой Беленец Мошенского района Боровичского округа Ленинградской области А.М. Михайлова. В 1946 г. К.Б. Старкова подарила кошелек академику И.Ю. Крачковскому. Затем в 1982 г. из фонда И.Ю. Крачковского, хранившегося в Ленинградском отделении Архива АН СССР, кошелек передали в МАЭ.

В разгар Первой мировой войны с 1 по 6 сентября 1916 г. состоялся последний приезд последнего бухарского эмира Алим-хана в Петроград. Несмотря на то что чиновники гофмаршальской части старались сохранить прежний порядок встречи почетного гостя, эта процедура была значительно упрощена. В этот приезд с эмиром были лишь два сановника, четыре чиновника, четверо слуг, пять казаков, врач Писаренко и еще пара человек obsługi.

В Петрограде эмир пробыл четыре дня. Поезд эмира отбыл 6 сентября 1916 г. в десять часов сорок пять минут вечера с Николаевского вокзала.

Таким образом, значение приема первой бухарской делегации во главе с эмиром в конце 1892 — начале 1893 г. можно оценить, учитывая сложившуюся в то время обстановку. Этот визит эмира бухарского занимает особое место в истории отношений среднеазиатских ханств с Россией, став важной вехой сближения двух стран. Прием бухарских гостей был первым практическим результатом налаживания межгосударственных связей после прерванных отношений между двумя странами в предыдущий период. К сожалению, русская периодическая печать и архивные документы оставили свидетельства лишь внешней канвы событий пребывания делегации в Москве и Петербурге. В приведенных материалах отсутствуют сведения о возможных дипломатических, политических, экономических переговорах между сторонами. Тем не менее данные русской прессы и архивов о визитах эмиров бухарских в Петербург имеют отношение к истории иллюстративных коллекций МАЭ и познавательное значение для изучения посольских связей Бухарского эмирата с Россией.